КЕМБРИДЖСКАЯ ИСТОРИЯ КАПИТАЛИЗМА

Том 2
Распространение капитализма:
1848 — наши дни

Коллектив авторов

Кембриджская история капитализма. Том 2. Распространение капитализма: 1848 – наши дни

«Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара»

2014

УДК 338(091)
ББК 65.03

Коллектив авторов

Кембриджская история капитализма. Том 2. Распространение капитализма: 1848 – наши дни / Коллектив авторов — «Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара», 2014

ISBN 978-5-93255-607-8

Второй том «Кембриджской истории капитализма» дает авторитетный обзор того, как капитализм распространялся по всему миру, как он воздействовал на страны и народы и какими разнообразными были реакции на него. Широкий географический охват и сопоставительный подход позволил коллективу ведущих специалистов выявить глобальные последствия капитализма для промышленности, сельского хозяйства и торговли, наряду с ответными реакциями правительств, фирм и рынков. Авторы показывают, как Первая мировая война остановила распространение глобального капитализма, однако к концу XX века он вновь поднялся в полный рост. Ученые раскрывают разнообразные последствия, к которым в военно-политической сфере и в сфере благосостояния привели действия рабочего движения и политических режимов, вызванные капитализмом. Хотя в итоге его влияние оказалось благотворным, процесс развития и распространения капитализма протекал не гладко. Настоящее издание, наиболее полное среди существующих, представляет интерес для историков, экономистов и специалистов в области политической науки. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 338(091)
ББК 65.03

ISBN 978-5-93255-607-8

© Коллектив авторов, 2014
© Институт экономической политики
имени Е.Т. Гайдара, 2014

Содержание

1 7
Как капитализм становился глобальным: Общий план 8
Итоги промышленной революции 9
Капиталистические институты на национальном уровне 9
Глобальное взаимодействие 10
Глобализация капитализма в международном масштабе 11
Первый глобальный век: взлет торговли[2] 11
Первый глобальный век: роль массовой миграции[3] 14
Первый глобальный век: роль рынков финансового капитала[4] 16
Отступление глобализации в межвоенное время и ее возобновление после 1945 года 19
Рынок и глобализация под ударом 21
Геополитические факторы 21
Экономические факторы 22
Углубление и расширение капиталистических институтов в глобальном контексте 25
Литература 26
2 27
Долгосрочная перспектива 27
Британский вызов и ответ экономической политики 30
Стандартная модель в Европе 32
Технологический прогресс в ныне богатых странах 33
Колониализм и экономическое развитие 34
Модель догоняющего развития: Мексика 36
Модель догоняющего развития: Россия 38
Модель догоняющего развития: Импортозамещающая индустриализация в Латинской Америке 39
Модель догоняющего развития при более активном участии государства в XIX веке: Египет 41
Модель догоняющего развития при более активном участии государства в XIX веке: Япония 42
Индустриализация «большого толчка»: Советский Союз 45
Индустриализация «большого толчка»: Япония 48
Индустриализация «большого толчка»: Китай 50
Заключение 53
Литература 54
3 55
Введение 55
Основные факты: Рост сельскохозяйственного производства в XIX–XX веках 57
Формула успеха: Экстенсивный рост 62
Формула успеха: Интенсивный рост 66
Конец ознакомительного фрагмента. 69

Кембриджская история капитализма. Том 2. Распространение капитализма: 1848 – наши дни

© Cambridge University Press 2014
© Издательство Института Гайдара, 2021

* * *

1
Введение: глобальный капитализм расширяется и встречает сопротивление

Кевин Х. О'рурк и Джеффри Дж. Уильямсон

ВТОРОЙ ТОМ «Кембриджской истории капитализма» повествует о том, как после 1848 года капитализм эволюционировал в западноевропейских государствах и их ответвлениях[1] и распространялся в остальные части мира. На всем протяжении этого периода, по мере того как капитализм преодолевал сопротивление и иногда был вынужден отступать, он непрерывно усложнялся. Сегодня, когда глобальный капитализм испытывает мощнейшее напряжение, а экономический рост в мире, по всей видимости, замедляется, легко увлечься злободневными вопросами современности. И последняя глава настоящего тома в самом деле посвящена этим вопросам в отношении к будущему. Во введении, однако, мы попробуем устоять перед соблазном презентизма и вместо этого обратимся к прошлому, чтобы упорядочить наши мысли о настоящем. Ниже мы набросаем общую схему развития капитализма после 1848 года, в которую читатель сможет вписать подробности последующих глав.

[1] *Англ.* offshoots, термин введен британским историком экономики Энгасом Мэддисоном (1926–2010). Под «ответвлениями» имеются в виду Соединенные Штаты, Канада, Австралия и Новая Зеландия. – *Прим. пер.*

Как капитализм становился глобальным: Общий план

Процесс превращения капитализма в глобальную систему шел на двух уровнях, разделить которые можно с помощью аналогии (еще раз она возникнет ближе к концу главы). В строгом смысле слова золотой стандарт относился к *внутренним* институтам отдельной страны, привязывая ее денежное предложение к золотым резервам. В *международную* систему обменных курсов золотой стандарт превратился только после того, как некоторое количество стран независимо друг от друга ввели его у себя, разрешив затем свободное обращение золота. Схожим образом для превращения капитализма в *международную экономическую систему* требовалось не только появление капиталистических институтов во всех странах – участниках этой глобальной системы, экономическое взаимодействие по широкому кругу вопросов среди этих стран. Если бы социализм преуспел и охватил всю планету, мир, несомненно, объединился бы в международную систему – но не капиталистическую. Да и сами капиталистические страны нередко предпочитали отгородиться от глобальной экономики. Глобальная капиталистическая система предполагает аналогичные институты на *национальном уровне* и взаимодействие на *международном*.

До тех пор пока отдельные нации сохраняют какой-то контроль над собственной судьбой, маловероятно, что капиталистическая система станет поистине глобальной; по крайней мере этого не стоит ждать на нашем веку. Тем не менее сегодня говорить о глобальной капиталистической системе можно с гораздо бóльшим основанием, чем когда-либо раньше в человеческой истории. Столь же бесспорно, что переход к нашей системе глобального капитализма XXI века не происходил линейно – ни на национальном, ни на международном уровне. На этом пути то и дело вспыхивали очаги политического сопротивления глобализации, а базовые институты свободного рынка то и дело откатывались назад (см. гл. 12 настоящего тома). Некоторые вспышки такого рода были результатом внутриполитических причин – часто они выражали реакцию на неравномерное распределение дохода, свойственное капитализму (см. гл. 13 и 14). В иных случаях они были результатом крупных шоков, ударявших по международной системе, часть из которых действовала изнутри и вытекала из недостатков капиталистических институтов на раннем их этапе развития, а часть, надо полагать, приходила извне. Первая мировая война и Вторая мировая война ярко иллюстрируют второй тип шоков. Однако, как показано ниже, эти столкновения могли возникнуть из характерных особенностей международной экономической системы начала и середины XX века (см. гл. 11). Иные шоки, как указывал Карл Маркс, могли стать результатом «нестабильности», внутренне присущей капитализму, – в первую очередь речь идет о Великой депрессии и случившейся не так давно Великой рецессии. Важнее всего выяснить, какие шаги предпринимали различные страны в ответ на эти глобальные шоки. Так, после Великой депрессии и Второй мировой войны некоторые страны реформировали свою финансовую систему, постепенно вернули свою экономику в орбиту международной торговли (хотя и не международного движения капитала) и заключили «большую сделку» между трудом, капиталом и властью. Именно это произошло в Западной Европе, где в четвертьвековой период 1950–1973 годов разыгрывалось чудо экономического роста. В то же время другие страны, в том числе большинство стран Латинской Америки, взяли более изоляционистский, антиглобалистский и антирыночный политический курс, перейдя к политике импортозамещающей индустриализации, и отказались от него лишь в 1980-х и 1990-х годах. После того как в 1971–1973 годы с фиксированными валютными курсами как основой международной денежной системы было навсегда покончено, начался новый виток глобализации и капитализм испытал мощный прилив сил. В соответствии с этой общей канвой событий каждая из следующих глав будет рассматривать три исторических этапа: итоги промышленной

революции в XIX веке, отступление глобального капитализма в середине XX века и постепенное возобновление его расширения и углубления после Второй мировой войны.

Итоги промышленной революции

Так называемый долгий XIX век во многом прошел под знаком промышленной революции. С точки зрения развития глобального капитализма наиболее важными последствиями были следующие. Во-первых, между богатыми капиталистическими лидерами и бедными докапиталистическими последователями наметилась «Великая дивергенция» по уровню душевого дохода. В ходе этой «Великой дивергенции» баланс военной мощи кардинальным образом переместился в сторону западных стран, которые теперь могли властвовать над огромными кусками земного шара, используя средства формального и неформального империализма (см. гл. 10). Империализм способствовал распространению в мире нескольких правовых систем (см. гл. 5), акционерных обществ и других форм организации компаний (гл. 6 и 7), финансовых институтов, а также содействовал международной экономической интеграции. Во-вторых, промышленная революция породила Великую специализацию. Господствующая держава, Великобритания, изо всех сил стремилась установить в международном масштабе систему свободной торговли, поскольку главным предметом ее экспорта были товары обрабатывающей промышленности, а главным предметом импорта – жизненно важное продовольствие, сырье и материалы из бедной периферии (Findlay and O'Rourke 2007; Williamson 2011). В-третьих, новые промышленные, а также сельскохозяйственные технологии начали проникать из Великобритании в остальные регионы Северо-Западной Европы и Соединенные Штаты, а затем, спустя некоторое время, глубже в европейскую периферию, в Латинскую Америку и Азию (гл. 2, 3 и 4). В-четвертых, новые средства транспорта и телеграф укрепили торговые связи и сомкнули рынки товаров в единый глобальный рынок. В-пятых, все совершенней становились внутренние денежные рынки, все более мощные волны финансового капитала перекатывались из страны в страну, что в итоге образовало всемирный рынок капитала (гл. 9). В-шестых, стоимость пассажирских перевозок снизилась, уехавшие на заработки в страны с высокой зарплатой могли перечислять домой все бóльшие суммы, в регионах-донорах с низкими зарплатами, замкнутый круг бедности был разорван – все это стало причиной массовой миграции. Благодаря ей родилось нечто похожее на общий рынок рабочей силы в Атлантике, степень монолитности которого постепенно возрастала. Наконец, вслед за промышленной революцией в странах-лидерах начала медленно распространяться демократия, и в XX веке этот процесс оказал огромное влияние на экономику глобального капитализма.

Капиталистические институты на национальном уровне

Из глав, собранных в настоящем томе, больше всего можно узнать о небольшой группе стран, которые к 1848 году уже имели относительно развитые капиталистические институты. Почти все они располагались в Западной Европе или были ответвлениями западноевропейских государств, и лишь небольшая их доля относилась к другим частям мира. Настоящий том одновременно повествует и об углублении и о расширении капиталистических институтов, действовавших на национальном уровне. Говоря об углублении капитализма, мы имеем в виду дальнейшее развитие его институтов в ключевых странах в конце XIX века. Например, можно назвать постоянное усовершенствование финансовых рынков в таких странах, как Великобритания и Соединенные Штаты, или появление современного акционерного общества в Соединенных Штатах вслед за распространением железных дорог и телеграфа. Говоря о расширении капитализма, мы имеем в виду процесс постоянного пополнения клуба капиталистических стран новыми участниками. К примеру, стремительно усваивала капиталистические институты

в периоды Мэйдзи и Тайсё Япония; то же самое пытались делать в период belle époque (*фр*. прекрасная эпоха) латиноамериканские страны, вставшие на путь индустриализации (Мексика, Аргентина и Бразилия). Сюда же относится и зарождение таких азиатских центров капитализма, как Шанхай и Бомбей.

Глобальное взаимодействие

Усиление глобализации в ходе XIX века происходило под действием нескольких факторов, в первую очередь появления новых видов транспорта и новых технологий передачи информации, о которых говорилось выше. С другой стороны, свое влияние эти технологические факторы оказали только потому, что для этого существовали благоприятные геополитические условия. В частности, в Западной Европе окончилась эпоха меркантилистского соперничества и наступила эпоха британского господства; исчезли великие торговые монополии эпохи меркантилизма, уступив место гораздо более свободной конкуренции. В 1815 году был достигнут твердый мир, подаривший целое столетие спокойной международной торговли без разрушительных внутриевропейских конфликтов. На мировую арену вышел империализм, навязавший свободную торговлю не только официальным колониям (в отличие от самоуправляемых доминионов, которые, как правило, предпочитали устанавливать значительные пошлины), но и номинально независимым государствам, таким как Китай, Египет, Япония, Сиам и Османская империя – всех их заставили пойти на контакт дипломатией канонерок. Кроме того, Британия развила достаточную военную мускулатуру, чтобы выступить мировым полицейским (идея pax Britannica), точно так же как сегодня это делает Америка (pax Americana).

Глобализация капитализма в международном масштабе

Первый глобальный век: взлет торговли[2]

Период от Наполеоновских войн до Первой мировой войны в сфере мировой торговли характеризовался четырьмя признаками, которых не было ни у одной эпохи ни до, ни после, за исключением периода после Второй мировой войны. Во-первых, наиболее богатые и быстрорастущие европейские экономики сняли внешние барьеры, упразднив старинную меркантилистскую политику, снизив таможенные пошлины и убрав нетарифные ограничения для торговли. За ними последовали и их колонии в Африке и Азии, а также многие другие государства, испытавшие на себе дипломатию канонерок. Кроме того, большинство стран мира установили связь между своими обменными курсами, введя золотой стандарт или присоединившись к другим валютным режимам, и тем самым сократили курсовой риск. Таким образом, первой важной причиной торгового подъема явилась либеральная торговая и валютная политика. Во-вторых, благодаря открытию паровой тяги мир пережил революцию в развитии транспортных средств, которая также способствовала торговле. Как только издержки резко упали, расстояния впервые в истории перестали сдерживать торговлю. Дополнительный стимул революции придало изобретение телеграфа, еще одной технической новинки, которая облегчала обмены и ослабляла неопределенность относительно цен на отдаленных рынках. В-третьих, в Европе и ее ответвлениях благодаря промышленной революции резко возросли темпы экономического роста. В результате начал бурно расти спрос буквально на все виды товаров, особенно на сырье для обрабатывающей промышленности, топливо и деликатесы. В-четвертых, в мире стало гораздо спокойней, чем прежде. Частые европейские войны прошлого мешали торговле, так как ее участники вводили блокаду, реквизировали иностранное имущество, забирали торговые суда для военных нужд – а неопределенность на рынках повышалась. XIX век, эпоха рах Britannica, принес мир, располагавший к торговле.

Когда война с французами была окончена, Британия, мировой гегемон, приступила к устранению торговых барьеров. После череды либеральных реформ 1820-х и 1830-х годов премьер-министр Роберт Пиль в 1846 году принял судьбоносное решение отменить так называемые хлебные законы, и Великобритания в одностороннем порядке сняла ограничения. Этот переход к фритредерству случился отнюдь не внезапно. В действительности за тридцать лет было пройдено четыре значимых этапа: с 1815 по 1827 год, когда уровень пошлин в отношении к объему торговли равнялся примерно 70 %; с 1828 по 1841 год, когда он опустился до 50 %; с 1842 по 1845 год, когда он упал до 19 % и, наконец, 1846 год, когда Британия перешла к свободной торговле. Таким образом, крупнейшая европейская экономика открывала свои рынки для всех желающих. За либеральной Британией последовали остальные страны Западной Европы, и на всем протяжении 1850–1860-х годов средний уровень пошлин на континенте опускался благодаря присутствию во взаимных соглашениях западноевропейских стран пункта о режиме наибольшего благоприятствования.

Обратный процесс начался в конце 1870-х и 1880-х годах, когда из Нового Света и России на европейский рынок стало поступать дешевое зерно – что, вообще говоря, не входило в интересы землевладельцев. Ответная реакция в виде повышения пошлин, наступившая в Европе в конце XIX века, экспортерам из бедных стран периферии не нанесла ущерба, потому что их сырье не конкурировало с товарами европейских производителей (за исклю-

[2] Материал данного параграфа в основном взят из: O'Rourke and Williamson 1999; Findlay and O'Rourke 2007 и Williamson 2011.

чением тростникового сахара, который конкурировал со свекольным сахаром). Однако это не помешало многим странам Восточной Азии и Латинской Америки, вовсе не заинтересованным в свободной торговле, осуществить еще более крутой разворот. США, доминионы Англии и молодые республики Латинской Америки имели самые высокие в мире таможенные пошлины, с помощью которых они защищали свои незрелые отрасли и обеспечивали доход казне. Восточная Азия также не проявляла особого энтузиазма по поводу свободной торговли, хотя морская мощь промышленных лидеров заставила ее подчиниться. Не менее важным для бедной глобальной периферии был тот факт, что европейские рынки оставались открытыми для их экспорта. Вместе с тем связь между экономиками ведущих стран Европы, их ответвлений и колоний возросла, так как они скрепили свои валюты посредством золотого стандарта и иных валютных союзов. Это усилило фритредерский характер их экономической политики.

Даже по прошествии нескольких десятилетий XIX века доставлять товары за море оставалось слишком дорого и громоздким сырьем и материалами на длинные расстояния почти не торговали. То есть основные продукты, промежуточные товары для промышленности и топливо не перемещались на значительные расстояния хоть сколько-нибудь регулярно. Несмотря на то что в голодные годы хлеб мог доставляться через Атлантику в Европу, постоянно в крупных масштабах и на дальние расстояния перевозили только товары с высокой ценностью в расчете на единицу объема: драгоценные металлы, специи, шелк, фарфор и другие предметы потребления для богатых, а также перевозили рабов, а позднее такие колониальные товары, как сахар, табак или хлопок, которые в Европе произвести было трудно, если вообще возможно. Глубокие изменения произошли в XIX веке, когда развернулась революция в сфере морского и наземного транспорта. После французских войн в ключевых странах Европы начали активно вкладывать капитал в каналы и строительство портов. После того как в Соединенных Штатах в 1825 году завершилось строительство канала Эри, связывавшего реку Гудзон и озеро Эри, стоимость транспортировки из Буффало в Нью-Йорк сократилась на 85 %. Благодаря этим транспортным улучшениям стали исчезать региональные преграды для внутренней торговли, и в Соединенных Штатах, в Британии, германском Таможенном союзе, а также в других странах на континенте начали складываться единые национальные рынки товаров.

Самое сильное влияние в сфере перевозок в XIX веке оказали пароходы. В первой половине столетия они в основном использовались для судоходства на крупных реках, Великих озерах, Балтийском, Средиземном море и внутренних морях государств. Регулярное пароходное сообщение в Атлантике торжественно открыли в 1838 году, однако вплоть до 1860 года новый тип судов перевозил главным образом высокоценные грузы вроде тех, которые сегодня доставляют самолетом, – пассажиров, почту и деликатесы. Еще одним значимым достижением транспорта XIX века стали железные дороги. Их сеть во второй половине XIX века росла грандиозными темпами, особенно в Соединенных Штатах, где этот вид транспорта сыграл главную роль в создании поистине национального рынка. К 1850-м годам уже из каждого крупного порта северо-востока Европы можно было довольно дешево доставить товар в любой небольшой городок сельской глубинки. За период, разделявший 1830-е и 1850-е годы, ставки на фрахт через Атлантику упали почти на 55 %. В Британии тарифы на доставку между Ливерпулем и Лондоном за полвека после 1840 года рухнули примерно на 70 %. Кроме того, поскольку появление железнодорожного транспорта, вероятно, имело даже большее значение, чем развитие морских путей сообщения, можно не сомневаться, что общая экономия на транспортных расходах была еще сильнее, чем указанная цифра.

Революция в транспортной отрасли коснулась не только экономики Атлантического региона. Не менее резко тарифы на фрахт упали и на маршрутах, в которых значились порты Черного и Средиземного морей. За тридцать лет после 1820 года тарифы на фрахт из Одессы в Англию упали на 51 %. А после 1870 года сильное влияние железных дорог стало чувство-

ваться и в Евразии: железные дороги соединили хлебородную глубинку с Одессой, Черным морем и тем самым с мировым рынком. То же самое происходило и с американским Средним Западом и внутренними районами Латинской Америки.

Во многих частях глобальной периферии железные дороги сыграли даже более значимую роль, чем в странах центра. Там, где территория дробилась из-за природных преград, где не хватало внутренних рек, а до побережья было трудно добраться, – в Аргентине, на юго-востоке Бразилии, в Мексике, Испании, Турции и Индии, – железные дороги соединяли рынки крайне эффективно. Они давали в руки капиталистов отмычку от прежде изолированных внутренних областей периферии, вливая их в мировой рынок.

Восточноазиатские тигры, а за ними Китай своими темпами роста конца XX века задали настолько высокую планку «экономического чуда», что на их фоне меркнут прошлые эпизоды быстрого роста. Однако по стандартам своего времени первое «чудо экономического роста», запущенное промышленной революцией в Западной Европе и англоговорящих колониях, было чем-то поистине выдающимся: за первое глобальное столетие, завершившееся в 1913 году, темпы роста поднялись почти в четыре раза. Легко недооценить масштаб изменений, ведь даже в наиболее богатых странах большинство населения по-прежнему состояло из крестьян, живущих экономически самодостаточными хозяйствами, зачастую практически оторванными от рынков. Это означает, что темп роста экономического «излишка» по сравнению с продуктом, необходимым для физического выживания, подскочил, скорее всего, намного более, чем в четыре раза. А именно рост этого излишка и способствовал продвижению торговли. Действительно, доля торговли в мировом ВВП в период с 1820 по 1913 год выросла в восемь раз.

Наконец, многие экспортные товары бедной периферии требовались для обрабатывающей промышленности. Канонический пример такого рода товаров – хлопок-сырец, необходимый для текстильного производства. Но можно привести и другие примеры: медь, пенька, джут, каучук, шелк, олово, шерсть, самые разнообразные виды древесины. Торговля этими промежуточными товарами и продуктами питания, которые мы сегодня называем обобщенно сырьевыми товарами (commodities), развивалась вслед за ростом промышленного выпуска в богатых странах центра, который намного опережал темпы роста совокупного ВВП. Мировой спрос на сырьевые товары вовлек периферийные страны в мировую экономику и познакомил их с капиталистическими институтами.

Рост мировой торговли в первое глобальное столетие выглядит весьма впечатляюще. В течение первых шести десятилетий до 1913 года ее объем рос на 3,8 % в год, намного опережая темпы роста ВВП. В результате доля торговли в мировом ВВП увеличивалась. Из этого можно заключить, что повышение дохода, индустриализация, революция в сфере транспортных перевозок, совершенствование средств связи и либерализация экономической политики дополняли и усиливали друг друга. Какой из этих факторов был самым важным? Ответ зависит от того, возьмем ли мы за главный показатель степень интеграции рынка, долю торговли в ВВП или сам объем торговли. Если мы сосредоточимся на объемах торговли, тогда самую важную роль играл рост дохода, который, в свою очередь, происходил благодаря углублению и расширению капитализма. Если же за главный показатель взять долю торговли в ВВП и степень интеграции рынка, то наибольшее влияние оказало падение таможенных и транспортных преград, которое отчасти было результатом политики ведущих капиталистических стран, поощрявших глобализацию.

Первый глобальный век: роль массовой миграции[3]

За несколько десятилетий между приблизительно 1820 годом и серединой XX века в сфере глобальной миграции произошли коренные изменения. Изменилась миграционная политика: если раньше оттоку населения препятствовали, стремясь обеспечить страну рекрутами и дешевыми рабочими руками, то теперь в политике настала эпоха laissez-faire (*фр.* невмешательства). Изменились масштабы: такой численности мигрантов, переселяющихся на далекие расстояния, мир до 1848 года не видывал. Изменился состав людских потоков. Если раньше мигранты перемещались в основном как законтрактованные рабочие и по принуждению, то теперь они действовали без какой-либо помощи и добровольно. Если в прежние времена добровольно уезжали в основном семьи и отнюдь не бедные, то теперь чаще стали ехать в одиночку и бедняков стало гораздо больше. И если до этого возвратная миграция встречалась очень редко, то теперь она превращалась во все более обыденное явление.

Каким образом и когда число иностранцев среди населения европейских заморских колоний, в частности в Северной Америке, поднялось до значительного уровня? В первые три десятилетия после 1846 года из Европы каждый год уезжало в среднем 300 тысяч человек. В следующие два десятилетия эта цифра возросла вдвое, а в начале нового столетия она перевалила за миллион человек в год. Состав стран-доноров тоже кардинальным образом изменился. В первой половине столетия наибольший поток отправлялся с Британских островов, на втором месте находилась Германия. В середине века к этому потоку миграции примкнули переселенцы из Скандинавии и других стран Северо-Западной Европы. В 1880-е годы их примеру последовали жители Южной и Восточной Европы. На долю именно этих стран приходилась основная масса возросшего числа эмигрантов в конце XIX века. Первыми свои места покинули итальянцы и жители некоторых областей Австро-Венгрии, но начиная с 1890-х годов в их ряды активно влились жители Польши, Российской империи, Балканских стран, Испании и Португалии.

Подавляющее большинство европейских переселенцев стремились в Соединенные Штаты, хотя крупные потоки в 1880-е годы также направлялись в Южную Америку, в особенности в Аргентину и Бразилию и с началом XX века – в Канаду. Не глубокий, но непересыхающий ручей связывал Великобританию с Австралией, Новой Зеландией и Южной Африкой. И все же на первом месте стояли Соединенные Штаты. С 1846 по 1850 год – эпоха Великого голода в Ирландии – США приютили 81 % от всего притока людей на оба американских континента. В 1906–1910 годы, на которые пришелся предвоенный пик миграции, в США прибывало 64 % всех мигрантов, приставших к берегам Нового Света. В тот период конкуренцию США могла составить только Аргентина.

Миграция шла и между европейскими государствами. Самый ранний пример – переселение ирландцев в Британию в 1781–1851 годы, по итогам которого до 10 % всех жителей британских городов имели ирландское происхождение. Вторым примером служит переселение итальянцев: в 1890-е годы более половины всех итальянских эмигрантов направлялись в другие страны Европы, в первую очередь во Францию и Германию. Третий пример – это отток населения из Восточной Европы в Германию, который в недавнее время возобновился. Цифры, о которых шла речь выше, касаются почти исключительно валовой, а не чистой миграции. Большую часть XIX века разница между этими показателями была незначительной, поскольку возвратная миграция обходилась слишком дорого. Однако постепенно ее роль возрастала. Так, по оценкам государственных органов США, за 1890–1914 годы возвратная миграция поднялась до 30 % от общего притока населения, а в десятилетие перед Первой мировой войной ее

[3] Материал настоящей главы основан на: Hatton and Williamson 2008: ch. 2.

доля стала еще выше (Bandiera, Rasul, and Viarengo 2012). В 1857–1924 годы возвратная миграция из Аргентины составляла 47 % от валового притока населения в страну. Высокая доля возвратной миграции указывала на усиливающуюся тенденцию к временным, часто сезонным, переездам. И это касалось не только европейской эмиграции, но и перемещения людей внутри Европы.

Поскольку для крупных стран отток и приток мигрантов выше, чем для мелких, чтобы оценить влияние миграции на рынок труда нужно привести показатели к некоему единому знаменателю. Иначе говоря, нужно соотнести отток с численностью людей в стране-доноре, а приток с численностью людей в стране-реципиенте. Самый простой выход – разделить миграционные притоки и оттоки на величину населения и рабочей силы в стране-доноре и стране-реципиенте. Коэффициент выбытия более 50 человек на тысячу населения за десятилетие был характерен для Великобритании, Ирландии и Норвегии весь конец XIX века. К концу столетия этого уровня достигли Италия, Португалия и Испания. Отток из Швеции и Финляндии лишь в одно десятилетие достигал 50 на тысячу населения, но и уровень в 10–50 на тысячу населения, наблюдавшийся в остальные десятилетия, по современным меркам очень велик.

Коэффициент прибытия в Новом Свете был даже выше, чем коэффициент выбытия в Европе, – это арифметическое следствие того факта, что население в странах-донорах с избытком рабочей силы было намного выше населения в странах-реципиентах с ее недостатком. Во всех частях мира перед Первой мировой войной миграционные коэффициенты достигали большой величины, и это должно было оказать существенное экономическое влияние на рынок труда в регионах-донорах и регионах-реципиентах. Тем более это верно, если учесть то обстоятельство, что в миграции действовал механизм самоотбора – в ней участвовали те, кто мог извлечь из переселения наибольшую выгоду, а именно молодые мужчины трудоспособного возраста. Это означает, что степень участия в рабочей силе у мигрантов была намного выше, чем у населения стран отъезда, равно как и у населения стран прибытия. Отсюда следует, что коэффициенты трудовой миграции были даже выше, чем и без того высокие коэффициенты миграции населения.

Конечно, не все сведения о мигрантах попадали в официальную статистику. Но эту проблему можно обойти, если в данных о переписи населения взять долю населения, родившегося за рубежом. Непосредственно перед Первой мировой войной наиболее высокая доля населения, родившегося за границей, была у Аргентины и Новой Зеландии (около 30 %), тогда как в крупнейшей «мигрантской» экономике, Соединенных Штатах, она составляла около 15 %. Сегодня эти коэффициенты значительно ниже.

Движение населения из регионов периферии с избытком рабочих рук в районы с дефицитом трудовых ресурсов нередко было сопоставимо с масштабами массовой миграции из Европы. Около 50 миллионов человек переселилось из богатой рабочей силой Индии и Южного Китая в такие регионы, как Бирма, Цейлон, Юго-Восточная Азия, острова Индийского океана, Восточная Африка, Южная Африка, острова Тихого океана, Квинсленд, Маньчжурия, страны Карибского бассейна и Южная Америка. Эти мигранты удовлетворяли растущий спрос на рабочие руки на тропических плантациях и поместьях, занимавшихся выработкой сырья. Помимо этого, они работали в портах, на складах и фабриках, вовлеченных во внешнюю торговлю. Большинство мигрантов являлось законтрактованными рабочими: за них уплатили расходы за пересечение океана и они были обязаны отработать по контракту твердое количество лет. Такая форма найма была востребована у выходцев из очень бедных семей в Индии и Китае, которым родственники не могли оплатить транспортные расходы. В этом отношении система контрактов очень походила на систему долгового рабства (Indentured servitude), действовавшую в Новом Свете в XVIII веке.

Почему перед Первой мировой войной произошел мощный всплеск миграции? Во-первых, выросла численность населения, потенциально готового уехать: демографический пере-

ход в Европе привел к падению детской смертности и, с задержкой в 15–20 лет, – к росту доли молодого трудоспособного населения. Поскольку молодежь всегда наиболее мобильна, эти демографические изменения стимулировали европейскую миграцию – то же произошло со странами Третьего мира после 1950-х годов. Но действовали и другие, более конкретные, силы. Большинство мигрантов бежало от бедности, полагаясь при этом на помощь своей семьи, тогда как государство им не помогало, но и не мешало: проводя параллели с сегодняшним днем, можно сказать, что система разрешений на работу отсутствовала. По мере развития транспорта и средств связи издержки и неопределенность, сопряженные с миграцией, снижались и возможность уехать за море появлялась у все большей доли европейских бедняков, которым переезд сулил в то же время наибольшие выгоды. Быть может, свой вклад в грандиозную миграцию 1840-х годов внесли голод и революции, однако именно фундаментальные экономические и демографические силы на рынке труда поднимали все новые и все более крупные людские волны. Среди этих фундаментальных факторов следует выделить следующие: демографический бум в странах-донорах, который постоянно пополнял резервуар молодежи, наиболее склонной к переезду; складывание современной модели экономического роста в странах-донорах, которая повышала реальные доходы населения, предоставляя все большему числу семейств средства для переезда; растущая помощь со стороны тех, кто уже перебрался за океан и пересылал домой деньги, покупал билеты и мог дать совет относительно местного рынка труда потенциальным эмигрантам. Но, что самое важное, въезд в страны-реципиенты оставался свободным.

Первый глобальный век: роль рынков финансового капитала[4]

В конце XIX века резко возрос уровень интеграции рынков капитала и чрезвычайно усилилось международное движение денег. Несомненно, самым крупным экспортером капитала за рубеж в тот период была Великобритания: если в 1870 году за рубежом было вложено 17 % богатства британцев, то к 1913 году эта доля возросла до 33 %; притом в процентном соотношении к объему британских сбережений величина иностранных инвестиций была очень высока. На своем пике она составляла более 40 или даже 50 % от совокупных сбережений Британии (Edelstein 1982; O'Rourke and Williamson 1999). Хотя львиная доля займов приходилась на территории империи (42 % в период с 1870 по 1913 год), с течением времени эта доля медленно снижалась, тогда как доля инвестиций, поступавших в Соединенные Штаты и Латинскую Америку, повысилась до 38 % (Stone 1999). Британский капитал в первую очередь тянулся к богатым земельным и иным природным ресурсам. В условиях, когда население Британии стремительно росло и становилось все более зажиточным, возрастала ценность земли как эластичного источника продовольствия. Чтобы использовать этот потенциал, требовались обширные инвестиции в транспортную и иную инфраструктуру, жилье и различные объекты коммунального хозяйства. Предоставлением этих инвестиций и занялся британский капитал: на долю госструктур и железнодорожных компаний приходилось соответственно 40 и 30 % от всех британских инвестиций за рубежом.

В больших объемах экспортировали капитал и другие европейские страны, в первую очередь Франция и Германия, которые на пике отправляли за рубеж около одной пятой своих внутренних сбережений. По сравнению с Британией они больше инвестировали в Европу, но при этом также избирали страны с обильными земельными ресурсами, которым требовались большие вложения в инфраструктуру – например, Турцию и Россию. В этот период зависимость стран – импортеров капитала от иностранных денег часто достигала чрезвычайной

[4] Материал данного параграфа взят из O'Rourke and Williamson 1999.

степени: в 1913 году иностранцы владели почти половиной всего основного капитала Аргентины и одной пятой капитала Австралии (Taylor 1992).

Что вызвало столь громадные передвижения капитала? Сторонники одной из традиций утверждали, что эти потоки отражают не высокую степень рыночной интеграции, а перекосы в финансовой системе Британии. Согласно данной точке зрения, лондонский Сити действовал в ущерб национальной промышленности, предпочитая финансировать зарубежных заемщиков. Но эмпирические данные не подтвердили эту гипотезу. Во время бума иностранных инвестиций доходность за рубежом превышала доходность на внутреннем рынке, а во время спада наблюдалось обратное соотношение (Edelstein 1976). В среднем доходность за рубежом превышала доходность внутри экономики, поэтому никаких иррациональных перекосов не было.

Следовательно, высокий и все возрастающий вывоз капитала из Британии мог быть вызван несколькими причинами: интеграция рынка капитала, которая вела к экономии издержек на перемещение денег между странами; рост спроса на импортный капитал за рубежом, что, в свою очередь, могло быть обусловлено ростом спроса на инвестиции либо сокращением сбережений; рост предложения британского капитала, доступного для экспорта, что могло быть вызвано накоплением финансовых средств в Британии либо сокращением в ней инвестиционного спроса. У каждого из этих пяти возможных объяснений находились свои сторонники[5]. Бурный рост спроса на инвестиции в Новом Свете, границы которого постоянно расширялись, – самое очевидное объяснение экспорта капитала из Британии, тем более что список направлений инвестиций британцев эту версию подтверждает. Однако предъявлять спрос на иностранный капитал Новый Свет мог также и потому, что там не доставало собственных сбережений. В частности, в тот период существовала связь между высоким коэффициентом демографической нагрузки[6] и низкой нормой сбережений, а уровень демографической нагрузки в Новом Свете сам по себе был достаточно большим, чтобы вызывать очень большой спрос на британский капитал (Taylor and Williamson 1994).

Что можно сказать о снижении преград и издержек, связанных с перемещением денег в международном масштабе, то есть о факторе, способствовавшем интеграции глобальных рынков капитала? Это снижение можно объяснить технологическими и политическими причинами. Если говорить о первых, то самую большую роль сыграл телеграф. Разница в ценах на облигации казначейства США, торгуемые в Лондоне и Нью-Йорке, упала на 69 % сразу же, как только в июле 1866 года оба побережья Атлантики связала телеграфная проволока (Garbade and Silber 1978). До того как протянули проволоку, новостным сводкам требовалось десять дней для путешествия через океан. Поэтому время сначала уходило на то, чтобы инвесторы узнали о возможностях арбитража, а затем на то, чтобы они могли дать указание своим агентам на другой стороне Атлантики воспользоваться этой возможностью. В результате заключать арбитражные сделки с небольшим разбросом цен было слишком рискованно. После появления телеграфа переправка информации с одного берега Атлантики на другой занимала менее суток, что позволяло осуществлять гораздо более эффективный арбитраж.

Что касается политических причин, то, возможно, зарубежные инвестиции упрощались благодаря надежной защите прав собственности, которую имели инвесторы внутри Британской империи (а также других империй). Еще одним институтом, значение которого подчеркивалось в научной литературе, был уже упоминавшийся в другом контексте золотой стандарт. Он по определению исключал риск курсовой разницы, но, кроме того, он снижал опасность дефолта, потому что заставлял страны проводить консервативную бюджетную и денежную политику (Bordo and Rockoff 1996).

---

[5] Очень схожие тезисы выдвигались относительно источников глобальных дисбалансов в 2000-е годы.

[6] Соотношение численности иждивенцев моложе и старше трудоспособного возраста и численности населения трудоспособного возраста. – *Прим. ред.*

Авторы нескольких эконометрических исследований пытались установить главную причину снижения разницы в процентных ставках на международных рынках капитала, однако они не пришли к единому мнению (Ferguson and Schularick 2006; Flandreau and Zumer 2004; Obstfeld and Taylor 2004). Но что можно сказать, если вместо разниц в процентных ставках изучить факторы, определявшие движение британского капитала? Принадлежность той или иной страны к золотому стандарту или империи, при прочих равных, вела к снижению доходности по ее облигациям и более высокому экспорту капитала в нее. Однако эти переменные, отражавшие степень сегментации, оказывали гораздо меньшее влияние, чем переменные, определявшие спрос на сбережения и их предложение – развитие школьного образования, запасы природных ресурсов и демографические показатели (Clemens and Williamson 2004a).

Во многих странах мира глобальный капитализм стал побочным продуктом империализма, что сыграло большую роль в XX веке, в эпоху распада империй. Когда такие страны, как Китай, Турция, Индия, и новые государства Южной и Юго-Восточной Азии и Африки вернули себе автономию, на первых порах они отвергли глобализацию и капитализм, составлявший часть системы, подвергшей их колонизации. Через несколько десятилетий наступил новый этап деколонизации, и с началом распада СССР Восточная Европа вернула себе независимость, впрочем, не отрицая глобализацию и капитализм – поскольку те не были частью угнетавшей страны соцлагеря советской системы.

Как мы уже отмечали, ключевым институтом, составлявшим опору чрезвычайно интегрированной международной финансовой системы конца XIX века, являлся золотой стандарт. Однако по мере того, как распространялась демократия, а рынки труда теряли гибкость, золотой стандарт, как и ряд других важных капиталистических институтов, приближался к своей гибели. Почему это происходило? Дело в том, что всеобщее избирательное право давало рядовым гражданам право голоса, а они требовали снизить безработицу всякий раз, когда совокупный спрос резко падал. Это вынуждало власти проводить политику экономического роста, а значит, отказываться от привязки к золоту. Совокупный спрос можно было поднять, девальвировав валюту и тем самым повысив конкурентоспособность экспорта и снизив – импорта. Также его можно было поднять, просто расширяя денежное предложение, снижая процентные ставки и методами инфляции и денежного стимулирования повышая экономическую активность, что невозможно было делать, оставаясь в рамках золотого стандарта. Давление демократических сил особенно сильно стало ощущаться после Первой мировой войны, с окончанием первого глобального века (Eichengreen 2008).

Отступление глобализации в межвоенное время и ее возобновление после 1945 года

Первая мировая война покончила с либеральной международной экономикой конца XIX века самым внезапным и драматичным образом. Воюющие страны отказывались от золотого стандарта, начинали регулировать все, даже самые мелкие, стороны своих внешнеэкономических отношений, стремясь максимально нарастить импорт, необходимый для военных нужд, и свести на нет все остальные торговые потоки. В 1917 году Соединенные Штаты ввели экзамен на грамотность, что символизировало конец эпохи свободной миграции в эту страну. После войны Соединенные Штаты ввели квоты на въезд, и их примеру вскоре последовали и другие страны Нового Света. Атмосфера послевоенного мира была мрачной: Российская, Германская и Австро-Венгерская империя лежали в руинах, а занявшие их место государства переживали тяжелые трудности «переходного» периода, в некоторых случаях приводившие к гиперинфляции.

Тем не менее государственные лидеры, как правило, стремились возродить международную экономику довоенной эпохи (важное исключение составляло коммунистическое руководство Советского Союза). В 1920-е годы они постепенно приблизились к своей цели, хотя снижение пошлин и снятие ограничений происходило крайне медленно. В 1924 году мировой объем торговли превысил свой довоенный пик, а ценовые разницы на товары в странах – партнерах по торговле снизились. Государства стали возвращаться к золотому стандарту, и международные займы возобновились. Увы, возобновление движения капиталов заложило предпосылки для нестабильности. В результате Великая депрессия, наступившая в 1929 году и достигшая самой острой фазы после череды международных банковских кризисов 1931 года, привела не только к ужасающему падению выпуска и занятости во многих странах капиталистического «ядра» планеты, но и вызвала ожесточенную реакцию в сфере политики. Отчасти эта реакция была направлена против международных экономических связей – государства начали устанавливать пошлины, квоты, вводить валютный контроль и отказываться от золотого стандарта. Другой ее мишенью стала демократия – во многих странах стали активно голосовать за крайне правых политиков, и в Германии к власти пришли фашисты (De Bromhead, Eichengreen, and O'Rourke 2012). Вполне закономерно, что многие люди сделали вывод о фундаментальных институциональных пороках капитализма и необходимости совершенно новой системы.

Но если смотреть на события в исторической ретроспективе, поражает, насколько гибкими и прочными оказались институты капитализма в его основных странах. «Новый курс» Рузвельта в США, послевоенные государства всеобщего благосостояния и модель смешанной экономики оставляли рынкам первенство в производстве и распределении продукта, но при этом подвергали капиталистов (особенно тех из них, кто действовал в финансовом секторе) разнообразным мерам контроля, что должно было предотвратить повторение межвоенной катастрофы. В рамках этой политики были национализированы жизненно важные отрасли. Чтобы обеспечить более справедливое и политически стабильное распределение национального дохода, была создана система социальной поддержки, налогов и трансфертов. Но самое сильное интеллектуальное поражение капитализм потерпел в развивающемся мире, где многие страны, впервые получившие независимость, обратились к коммунистической экономической системе или более умеренным формам централизованного планирования. В этом есть своя ирония: ведь мировая периферия пострадала от Великой депрессии в гораздо меньшей степени, чем страны центра. В итоге после 1945 года большая часть развивающихся стран повернулась спиной к глобализации и даже отбросила мысль о полностью свободном внутреннем рынке, перейдя к тому или иному варианту стратегии национального экономического раз-

вития. В то же время, в странах первого мира после Второй мировой войны возобновилась либерализация внутреннего и международного рынка, хотя и сохранялся контроль над движением капитала – составная часть экономической политики, выстроенной вокруг стабилизации внутреннего рынка при фиксированном, хотя и поддающемся корректировке обменном курсе. Сняли эти ограничения лишь в 1970-е годы, после перехода к плавающим валютным курсам. Что же касается развивающегося мира, то его политика сдвинулась в сторону глобализации лишь в 1980-е и 1990-е годы.

Эта последовательность событий находит свое отражение в имеющейся статистике международной торговли и движения капиталов, хотя вплоть до недавнего времени показатели международной миграции росли очень медленно и лишь недавно смогли превысить пик, взятый перед 1914 годом. Международная торговля, которая в 1913 году составляла 8 % от глобального ВВП, к 1929 году поднялась до 9 %, свидетельствуя о постепенном возрождении глобальной экономики. К 1950 году этот коэффициент опустился до 5,5 %, а затем снова поднялся до 10,4 % в 1973 году, 13,5 % в 1992 году и 17,2 % в 1998 году, превысив уровень 1913 года вдвое (Findlay and O'Rourke 2007: 510). Те же тенденции выражала и статистика об издержках международной торговли: в период с 1870 по 1913 год они упали на треть, в период между 1921 годом и началом Второй мировой войны они выросли на 13 %, а в 1950–2000 годах упали на 16 % (Jacks, Meissner, and Novy 2011). Подобный разворот можно обнаружить и в статистике о международном движении капитала, вне зависимости от того, возьмем ли мы отношение потоков капитала к ВВП, рассмотрим разницы в процентных ставках или степень корреляции между сбережениями и инвестициями (Obstfeld and Taylor 2004). А именно: международные рынки капитала прошли через этап интеграции в конце XIX века, этап глубокой дезинтеграции в межвоенный период и этап постепенной реинтеграции после Второй мировой войны. Нетто-потоки капитала, которые измеряются дисбалансами текущего счета, в настоящее время достигают тех же показателей, что и перед Первой мировой войной, тогда как брутто-потоки капитала, которые показывают двустороннее краткосрочное движение спекулятивных сумм, сегодня на порядок выше. Наконец, тот же разворот наблюдается и в статистике международной миграции: непосредственно перед Первой мировой войной доля граждан, родившихся за рубежом, в совокупном населении Канады и Соединенных Штатов составляла около 15 %; к 1965 году она опустилась до 6 %, а затем, к 2000 году, повысилась до 13 %% (Hatton and Williamson 2008: 16,205, table 2.2, 10.1). Та же динамика, только более резкая, обнаруживается и в статистике европейской миграции.

Рынок и глобализация под ударом

Геополитические факторы

Выше мы видели, что международная экономика прошла глобализацию конца XIX века, закрытие границ после 1914 года и возобновление глобализации после Второй мировой войны. У экономической интеграции на международном уровне были как технологические, так и политические причины, и выше был сделан акцент на политических источниках глобализации XIX века. Чем же в таком случае можно объяснить последовавшую дезинтеграцию? Конечно, говорить о регрессе технологий нельзя, так как достижения XIX века сохранялись и совершенствовались на протяжении всего XX века. На самом деле, в межвоенный период технологический прогресс продвигался необычайно быстрыми шагами (Field 2011), в том числе в сфере транспорта. Можно вспомнить усовершенствованные автомобили с двигателем внутреннего сгорания, автомобильные магистрали и модели самолетов, появившиеся в тот период. Ответ, следовательно, кроется в политической сфере: если максимально достижимый в тот или иной момент времени предел международной интеграции определяется технологиями, то политика определяет, насколько близко мировая экономика может на деле подойти к этой границе.

Речь тут идет как о внутренней, так и о международной политике – противодействие глобализации в межвоенный период шло на обоих уровнях. Однако недовольство «открытыми границами» накапливалось еще до Первой мировой войны. Конфликты возникали по причине растущей зависимости государств от международной торговли. Уже в течение долгого времени Британия полагалась на импорт продовольствия и сырья и, соответственно, на экспорт товаров обрабатывающей промышленности, из чего рождалась ее кровная заинтересованность в открытой системе международной торговли. Господство на море являлось для Великобритании стратегической целью, и Королевский флот стоял на страже безусловной свободы торговли для всех стран. Однако к концу столетия, благодаря росту своей промышленности и населения, сопоставимый ресурс появился у Германии. Морские штабы по обе стороны Северного моря принялись работать над планами обороны от потенциального противника – и в конце концов начали разрабатывать также и планы нападения. Гонка вооружений на море стала источником международной напряженности (Offer 1989) в преддверии Первой мировой войны. Британские адмиралы рассчитывали, что перспектива континентальной блокады отобьет у немцев охоту вступать в войну, тогда как немецкие стратеги полагали, что блицкриг (быстрый разгром противников на двух фронтах) сделает морскую блокаду бессмысленной.

Во время войны выяснилось, что блокада – действенное экономическое оружие, и союзники продолжили применять ее даже по окончании боевых действий, чтобы немцы быстрее определились с позицией перед переговорами в Версале. Германские и японские националисты твердо усвоили уроки тех событий, и хотя в 1920-е годы обе страны участвовали в попытках возродить международные экономические связи, Великая депрессия дала националистам шанс получить надежную ресурсную базу, с помощью силы создав самодостаточные империалистические блоки. В 1930-е годы система многосторонней торговли конца XIX века потерпела крушение – все большая часть торговых потоков перемещалась внутри формальных и неформальных империй в ущерб торговле между ними. Фактически одной из главных сил, которая заставила Японию развязать войну в Южной и Юго-Восточной Азии, а Гитлера – вторгнуться в Восточную Европу, в том числе в Советский Союз, было стремление к ресурсной самодостаточности (автаркии).

Однако Первая мировая война оставила в наследство не только агрессивные намерения великих держав, но и руины империй – Австро-Венгерской, Османской и Российской. На их месте появились новые европейские нации-государства, которые, как правило, придерживались после 1919 года националистического курса в экономике. Самый знаменательный пример представляет собой, конечно, Россия, где в 1917 году произошла революция. Угроза ее распространения, словно туча, нависала над миром весь остаток XX века: и правда, в результате российской революции коммунизм победил не только в СССР, но и во многих других странах. Система централизованного планирования коммунистических государств исключала свободный рынок на национальном уровне и свободную торговлю на международном. Коммунистические режимы установили на внешнюю торговлю жесткие ограничения. Новая волна деколонизации поднялась после Второй мировой войны, когда рухнули Британская, Французская и Голландская империи. И завоевавшие независимость государства также на первых порах следовали националистическому политическому курсу, который предполагал экономическую автаркию и активное вмешательство в дела рынка.

В итоге в послевоенное время на Западе постепенно произошла существенная либерализация торговли, тогда как большая часть развивающихся государств двигалась в противоположном направлении. И лишь после того, как в конце XX века с традиционной экономической политикой покончил формально коммунистический Китай, а также страны Азии, Латинской Америки и других развивающихся регионов мира, «глобализация» поистине превратилась в глобальное явление.

Экономические факторы

Поражение, которое глобализация потерпела в межвоенное время, имеет и экономические причины. В случае с экономическими факторами их часть также начала действовать еще до того, как государства пришли в столкновение (O'Rourke and Williamson 1999). С наступлением 1870-х годов на большей части континентальной Европы стали вводиться меры сельскохозяйственного протекционизма, что серьезно помешало дальнейшей интеграции рынков, затронутых этими мерами. Но, помимо этого, неевропейские страны, имевшие самостоятельность в сфере таможенной политики, также массово переметнулись к протекционизму, стремясь защитить свою нарождающуюся обрабатывающую промышленность от иностранной конкуренции. Это происходило в Латинской Америке, Соединенных Штатах, на востоке и юго-востоке Европы и даже в самоуправляющихся доминионах Британской империи. Кроме того, во всех уголках Нового Света все чаще стали вводить ограничения на въезд мигрантов – и все более суровые. Справедливо или нет, но считалось, что потоки людей из беднейших частей Европы давят на зарплату неквалифицированных рабочих, увеличивают безработицу и тем самым создают еще большее неравенство.

После войны этот источник давления сохранился и даже усилился как следствие боевых действий. Война исказила международную географию производства, заставив противоборствующие страны Европы переместить ресурсы из гражданской сферы в тяжелую промышленность, нацеленную на военные нужды. Европейские государства, сохранявшие нейтралитет, а наряду с ними неевропейские государства, заняли освободившееся место и стали поставлять недостающие товары потребления и продовольствие. В результате после войны конкуренция в этих отраслях обострилась, подтолкнув к протекционистской политике. Стремление к протекционизму усилилось из-за экономических трудностей, связанных с избытком мощностей в тяжелой промышленности после войны. Что касается миграции, то в США экзамены на грамотность, введенные в 1917 году, в 1920-е годы заменили более жесткой мерой в виде квот на въезд. Эти квоты предпочитали выделять выходцам из Западной Европы и не давать азиа-

там, а сохранялись квоты на всем протяжении 1950-х годов, пока в 1960-е годы не были проведены либеральные миграционные реформы.

Но среди экономических причин самый большой ущерб глобализации в тот период нанесла Великая депрессия. Не будет ошибкой сказать, что она стала результатом неправильной бюджетной и денежной политики, но если заглянуть глубже, то ее вызвали недостатки международной денежной системы золотого стандарта, которую, несмотря на все тяготы, после войны реконструировали, стремясь вернуться к либеральной международной экономической системе конца XIX века. Золотой стандарт в 1929 году передал импульс денежного кризиса от США остальному миру и лишил власти возможности должным образом ответить на рецессию, разрушавшую экономику. В сущности именно мировоззрение золотого стандарта и страх перед ухудшением платежного баланса заставили власти, в первую очередь руководство Германии, проводить проциклическую бюджетную политику, которая привела к катастрофе. Еще одним уязвимым местом была международная банковская система, которая порождала панику, в итоге в 1931 году охватившую сначала Австрию, затем остальную Центральную Европу и, наконец, Британию. Институты, лежавшие в основе глобальных рынков капитала, таким образом, стали движущей силой кризиса, и совсем неудивительно, что власти в конце концов их отвергли, отказавшись от золотого стандарта, свободного движения валюты (или обоих институтов сразу). И, таким образом, в соответствии с трилеммой[7], они смогли вернуть себе независимость денежной политики и запустить восстановление.

И вместе с водой в виде международного движения капитала правительства выплеснули ребенка в виде глобальной торговли. Понять, почему страны в конце 1930-х годов были вынуждены пойти на такой шаг и девальвировать свою валюту, довольно легко, ведь они чувствовали, что теряют конкурентоспособность по сравнению с теми, кто уже успел провести девальвацию (Eichengreen and Irwin 2010; Eichengreen and Sachs 1985). Но еще одним мотивом, более интеллектуального свойства, стала очевидная несостоятельность ортодоксальной экономической мысли, для которой золотой стандарт был синонимом идеалов либеральной модели международной экономики. Применять протекционизм для отдельно взятой страны становилось экономически более оправданно, как только его начинали применять все остальные, а более высокие в среднем пошлины, вполне возможно, пошли на пользу экономическому росту отдельных стран (Clemens and Williamson 2004b). Но если взять все страны в целом, то протекционизм послужил почвой для националистических настроений того периода и для устремлений Германии и Японии к имперской самодостаточности, о которых речь шла выше.

Великая депрессия обернулась такой катастрофой, из-за которой интеллектуальный престиж капитализма, а также его притягательность как модели экономического развития, оказался подорван. А в условиях, когда существовала альтернативная экономическая модель, централизованное планирование коммунистического типа, столь хорошо показавшая себя во время Второй мировой войны, в развивающемся мире у государств появился стимул к вмешательству в экономику и сформировалась стойкая неприязнь к рынку. Реакция Запада была совсем иной. Вопреки пророчествам марксистов, государствам в западных странах удалось реформировать капиталистическую систему в достаточной степени, чтобы удовлетворить возросший политический запрос на стабильность и справедливость. В том, что касалось международных экономических отношений, правительства извлекли из 1930-х годов уроки: хотя они и соглашались, что нужно поощрять международную торговлю, над движением капитала установили контроль в целях достижения внутренней макроэкономической стабильности и для поддержания фиксированного обменного курса.

[7] Трилемма гласит, что ни одна страна не может одновременно иметь свободу кредитно-денежной политики, свободное движение валюты и фиксированный валютный курс. Это значит, что при фиксированном обменном курсе страна вынуждена либо отказаться от свободы кредитно-денежной политики, либо установить контроль над движением валюты. – *Прим. пер.*

Предпосылки для свертывания глобализации существуют и сегодня. Опросы показывают, что в богатых странах наименее квалифицированные работники питают враждебность к международной торговле и иммиграции, в полном соответствии с предсказаниями теории торговли Хекшера–Олина. И международные миграционные потоки действительно подчинены строгому контролю (правда, это не касается стран внутри ЕС). Хотя сегодня торговые барьеры на международном уровне низкие, всегда есть опасность, что враждебность по отношению к торговле начнет нарастать, несмотря на все усилия международных институтов: ведь неравенство в доходах важно не только само по себе, необходимо учитывать и то, какие ответные политические меры оно способно провоцировать. И если дать нынешнему экономическому и финансовому кризису затянуться (или усугубиться) он вполне может поднять новую волну недовольства глобализацией.

Углубление и расширение капиталистических институтов в глобальном контексте

Итак, выше мы проследили путь, которым после 1848 года прошел глобальный капитализм. Последующие главы настоящего тома рассказывают, как капиталистические институты эволюционировали за этот 160-летний период, – теперь у нас есть глобальный контекст, куда можно вписать этот материал. Кратко резюмируем их содержание. Две главы посвящены распространению обрабатывающей промышленности (гл. 2) и функционированию сельского хозяйства (гл. 3). В двух запечатлена эволюция финансового капитализма (гл. 8), международных рынков движения капитала (гл. 9). Три главы посвящены переменам в технологиях (гл. 4), возникновению транснациональных компаний (гл. 6) и тому, как одновременно сосуществовали различные модели предприятий (гл. 7). Пять глав исследуют те реакции, которые капитализм вызвал в политической и интеллектуальной сфере: взлет и падение империализма (гл. 10); изменения, привнесенные в капитализм войной (гл. 11); распространение политических движений (гл. 12); выход на арену рабочих (гл. 13); капитализм благосостояния и государство всеобщего благоденствия (гл. 14). В одной главе делается попытка оценить, как изменилось качество жизни при капитализме в сравнении с его конкурентами (гл. 15). В последней главе редакторы, пытаясь заглянуть в будущее, подводят итог книге (гл. 16).

Литература

Bandiera, O., I. Rasul, and M. Viarengo (2012). "The Making of Modern America: Migratory Flows in the Age of Mass Migration," mimeo.

Bordo, M. D. and H. Rockoff (1996). "The Gold Standard as a 'Good Housekeeping Seal of Approval,'" *Journal of Economic History* 56: 389–428.

Clemens, M. A. and J. G. Williamson (2004a). "Wealth Bias in the First Global Capital Market Boom, 1870–1913," *Economic Journal* 114: 304–337.

–. (2004b). "Why Did the Tariff-Growth Correlation Reverse after 1950?" *Journal of Economic Growth* 9: 5–46.

De Bromhead, A., B. Eichengreen, and K. H. O'Rourke (2012). "Right Wing Political Extremism in the Great Depression," CEPR Discussion Paper 8876.

Edelstein, M. (1976). "Realized Rates of Return on U. K. Home and Overseas Portfolio Investment in the Age of High Imperialism," *Explorations in Economic History* 13: 283–329.

–. (1982). *Overseas Investment in the Age of High Imperialism*. London: Metheun.

Eichengreen, B. (2008). *Globalizing Capital: A History of the International Monetary System*. Princeton University Press.

Eichengreen, B. and D. A. Irwin (2010). "The Slide to Protectionism in the Great Depression: Who Succumbed and Why?" *Journal of Economic History* 70: 871–897.

Eichengreen, B. and J. Sachs (1985). "Exchange Rates and Economic Recovery in the 1930s," *Journal of Economic History* 4: 925–946.

Ferguson, N. and M. Schularick (2006). "The Empire Effect: The Determinants of Country Risk in the First Age of Globalization, 1880–1913," *Journal of Economic History* 66: 283–312.

Field, A. J. (2011). *A Great Leap Forward: 1930s Depression and U. S. Economic Growth*. New Haven, CT: Yale University Press.

Findlay, R. and K. H. O'Rourke (2007). *Power and Plenty: Trade, War and the World Economyin the Second Millennium*. Princeton University Press.

Flandreau, M. and F. Zumer (2004). *The Making of Global Finance 1880–1913*. Paris: OECD.

Garbade, K. D. and W. L. Silber (1978). "Technology, Communication and the Performance of Financial Markets: 1840–1975," *Journal of Finance* 33: 819–832.

Hatton, T. J. and J. G. Williamson (2008). *Global Migration and the World Economy: Two Centuries of Policy and Performance*. Cambridge, MA: The MIT Press.

Jacks, D. S., C. M. Meissner, and D. Novy (2011). "Trade Booms, Trade Busts, and Trade Costs," *Journal of International Economics* 83: 185–201.

Obstfeld, M. and A. M. Taylor (2004). *Global Capital Markets: Integration, Crisis, and Growth*. Cambridge University Press.

Offer, A. (1989). *The First World War: An Agrarian Interpretation*. Oxford: Clarendon Press.

O'Rourke, K. H. and J. G. Williamson (1999). *Globalization and History: The Evolution of a Nineteenth Century Atlantic Economy*. Cambridge, MA: The MIT Press.

Stone, I. (1999). *The Global Export of Capital from Great Britain, 1865–1914: A Statistical Survey*. Basingstoke: Macmillan.

Taylor, A. M. (1992). "External Dependence, Demographic Burdens and Argentine Economic Decline after the Belle Époque," *Journal of Economic History* 52: 907–936.

Taylor, A. M. and J. G. Williamson (1994). "Capital Flows to the New World as an Intergenerational Transfer," *Journal of Political Economy* 102: 348–371.

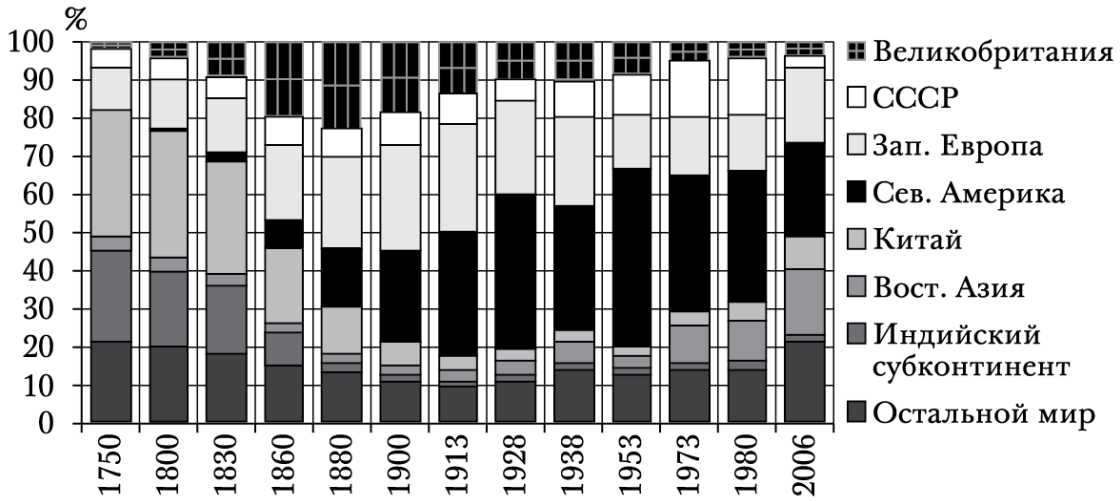
Williamson, J. G. (2011). *Trade and Poverty: When the Third World Fell Behind*. Cambridge, MA: The MIT Press.

2
Распространение промышленности
Роберт Аллен

Долгосрочная перспектива

ХОТЯ мы привыкли говорить об «индустриальном Западе», до революции XVIII–XIX веков основные промышленные мощности мира размещались в Китае и в Индии. В начале XVI века перевозить товары между континентами было очень дорого и поэтому страны потребляли то, что производили. Так как в разных частях Евразии душевой доход был примерно одинаковым и поскольку в Китае и Индии проживало примерно по четверти мирового населения, эти две страны производили примерно одинаковые доли мирового выпуска текстиля, керамических изделий, металлов и других продуктов. В последующие два столетия, когда Васко да Гама, Колумб и Магеллан своим примером доказали, что европейские корабли способны покорить мировой океан, а достижения в области судостроения снизили стоимость морских путешествий, ситуация несколько изменилась. Однако соотношение сил, характерное для позднего Средневековья, поколеблено не было: Китай и Индия оставались крупнейшими в мире центрами обрабатывающей промышленности вплоть до индустриальной революции. В других регионах земного шара, в том числе, например, в мусульманском мире, также располагались значительные производства, пропорциональные по своим размерам населению этих стран.

Эта расстановка сил отражена на рис. 2.1, где показано распределение мирового выпуска продукции обрабатывающей промышленности по регионам в период с 1750 года по начало XXI века[8]. На заре промышленной революции Китай и Индия производили соответственно 33 и 25 % мирового объема. В Британии производство устремилось вверх после 1750 года (составляя 2 % от мирового значения), достигнув наибольшей величины в 23 % в 1880 году. За тот же период доля Китая и Индии рухнула до 13 и 3 % соответственно. (Их доля продолжала падать и в XX веке, достигнув и в том и в другом случае 2 % в 1950-е годы.)

[8] Эта глава основана на Allen (2009, 2011); Аллен (2013, 2014). Подробные ссылки можно найти в этих двух работах.

РИС. 2.1 ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ МИРОВОГО ВЫПУСКА ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

ИСТОЧНИК: Allen (2011); Аллен (2013).

По мере того как традиционные центры обрабатывающей промышленности в XIX веке приходили в упадок, развивались новые очаги. В итоге вместе с Британией они и составили «промышленный Запад». Первым таким центром стала Западная Европа. В 1750 году доля ее глобального промышленного производства была гораздо выше (11 %), чем доля Британии из-за гораздо большего размера населения. Доля Западной Европы никогда не опускалась так сильно, как у Азии, а, наоборот, с началом XIX века, по мере возникновения современных фабрик, стала расти. В 1880 году доля Западной Европы превысила долю Британии и вплоть до Первой мировой войны продолжала увеличиваться. Затем, в ходе индустриализации других частей света, она поползла вниз.

Северная Америка, в частности Соединенные Штаты, – еще один пример грандиозного успеха. В колониальный период, окончившийся в 1776 году после принятия Декларации о независимости, там выпускался очень небольшой объем промтоваров. С начала XIX века выпуск промышленной продукции в Северной Америке почти безостановочно рос, так что к 1950-м годам на долю этого региона приходилась почти половина от глобального выпуска. Третьим регионом, где началась индустриализация, была Российская империя, которая после революции 1917 года превратилась в Советский Союз, а в 1991 году распалась на пятнадцать независимых государств. В XVIII – начале XIX века Россия производила около 5 % мирового объема промтоваров. После поражения в Крымской войне царское правительство предприняло ряд мер по стимулированию экономического развития, и к 1900 году доля страны в выпуске обрабатывающей промышленности выросла до 9 %. В 1928 году советские власти сверстали первый пятилетний план, и советский подход к экономическому планированию давал впечатляющие результаты вплоть до 1970-х годов, когда экономический рост стал замедляться. В 1980-е годы доля СССР в мировом обрабатывающем производстве достигла пика в 15 %. В странах, образовавшихся на месте СССР после его распада, произошла тяжелейшая деиндустриализация, и их совокупная доля в мировом объеме промышленного производства рухнула до 3 % в 2006 году.

Четвертым регионом, где произошла индустриализация, стала Восточная Азия. В XVIII – первой половине XIX века Япония производила 3 % мирового выпуска промышленной продукции. После реставрации Мэйдзи в 1868 году экономическое развитие превратилось в задачу первостепенной важности. К 1940 году обрабатывающее производство Японии поднялось до 5 % от мирового уровня. Вторая мировая война обернулась для Японии и ее экономики настоящей катастрофой, однако в 1950-е годы рост возобновился. К началу XXI века Япония, Южная Корея и Тайвань вместе производили 17 % от мирового выпуска промышленной продукции. Эта динамичность передалась Китаю, доля которого в 2006 году достигла 9 % и продолжила расти.

В чем причины индустриализации, деиндустриализации и реиндустриализации? Роль ничем не сдерживаемого капитализма и государства развития стала предметом большой дискуссии среди историков. На одном ее полюсе стоят те, кто утверждает, что роль государства должна сводиться к охране права частной собственности и обеспечению законности, а принятие экономических решений должно оставаться за частным бизнесом. Экономическую политику, основанную на таких принципах, обосновывал Адам Смит в своем классическом «Исследовании о природе и причинах богатства народов», а в последнее время – Международный валютный фонд (МВФ) и подобные ему организации, в рамках Вашингтонского консенсуса. На другом полюсе стоят те, кто считает, что государство должно владеть и управлять предприятиями, а также планировать развитие экономики, действуя наперекор рыночным силам. Про-

межуточную позицию занимают сторонники мнения, согласно которому государство должно в той или иной степени вмешиваться в экономику, стимулируя капиталистическое развитие. С точки зрения этой дискуссии я и подойду к историческому обзору промышленного развития в данной главе (см. также гл. 12 настоящего тома).

Британский вызов и ответ экономической политики

В XVI–XVIII веках экономика Британии росла медленными, но устойчивыми темпами. В середине XVIII века, на заре промышленной революции, душевой ВВП Британии был существенно выше, чем в среднем по миру. Двигателем экономического роста была международная торговля, хотя экономическая политика британского государства при этом несколько расходилась с предписаниями Адама Смита. Государство действительно стояло на защите частной собственности, однако уровень налогов был выше, чем во Франции, а торговая экспансия осуществлялась силами монополий, дарованных королевской властью (вроде Ост-Индской компании). Торговая экспансия поддерживалась благодаря морскому могуществу, вооруженной силе, колониальным завоеваниям, таможенным пошлинам и меркантилизму (см. гл. 1 первого тома). Смит был сторонником свободной торговли и возражал против такой политики. Как бы там ни было, рост экономики был стремительным и не уступал росту населения, и в результате Англия по уровню зарплат опережала большинство стран Европы и Азии. Рост Лондона, кроме того, привел к резкому удорожанию топлива, которое в конце Средневековья было представлено преимущественно древесным углем и дровами, – в итоге это привело к расширению угледобычи на северо-востоке Англии. В XVIII веке только Британия добывала уголь в крупных количествах и по стоимости ее угольная энергия была самой дешевой в мире (см. гл. 16 первого тома).

С помощью этих факторов можно объяснить ту траекторию, по которой развивались инновации в Британии в период промышленной революции: новые технологии приводили к замещению дорогого труда капиталом и дешевой энергией. Эти технологии были изобретены в Британии потому, что там они обеспечивали коммерческий успех. В других регионах, однако, их применение на первоначальном этапе не было экономически оправданно из-за более низких зарплат и более дорогой энергии.

С одной стороны, британские технологии создали для остальных стран новые возможности, а с другой – бросили им вызов. Чтобы достичь процветания, им нужно было поднять производительность труда, и добиться этого было можно переняв новые британские технологии. В то же время последние были неэффективны с точки зрения издержек ввиду иного соотношения цен на факторы производства. Как следовало поступать в такой ситуации?

Эта задача усложнялась в силу еще одного обстоятельства, которое вытекало из распространения новых технологий. Поскольку они повышали производительность обрабатывающей промышленности в Британии, не предоставляя того же преимущества другим странам, сравнительные преимущества британской обрабатывающей промышленности повышались, тогда как другим странам становилось выгоднее вести сельское хозяйство. Это выражалось в том, что британские обрабатывающие фирмы становились более конкурентоспособными и угрожали вытеснить производителей других стран из отрасли. В то же самое время другие страны становились более конкурентоспособными как производители сельскохозяйственной продукции. Иными словами, успех Британии создавал угрозу деиндустриализации остального мира и превращения остальных стран в «слаборазвитых» поставщиков сырья (Williamson 2011).

Именно это и произошло с большей частью Азии. Самым важным примером служит Индия. В XVIII веке там находился один из самых крупных очагов текстильной промышленности в мире. Британия могла поспорить с Индией лишь в производстве наиболее грубой нити и тканей, поскольку в нем требовалось меньше труда, чем для производства тонкой пряжи, а британский труд был гораздо дороже, чем индийский. Внедрение машин позволило Британии сократить издержки, снизив временные затраты на переработку одного фунта материала и позволив заменить высокооплачиваемый труд мужчин на низкооплачиваемый труд женщин и детей. В 1813 году истек срок действия монополии Ост-Индской компании на торговлю

с Индией и группа промышленников из Манчестера выступила против ее продления, ссылаясь на то, что Индия могла стать огромным рынком сбыта в случае снижения стоимости перевозки. Они указывали, что в 1812 году стоимость производства нити сорокового номера, которая обычно используется для пошива рубашек, в Индии составляла 43 пенса за фунт, а в Англии – лишь 30 пенсов. Они были правы, но примечательно, что еще десятилетием ранее они не могли бы предъявить тот же аргумент, так как в 1802 году нить сорокового номера в Англии стоила 60 пенсов. Исходя из этого, можно судить о скорости, с которой происходил прогресс. И действительно, к 1826 году стоимость нити сорокового номера опустилась до 16 пенсов и конкуренция со стороны Британии полностью разрушила индийскую хлопкопрядильную отрасль. Сократилось и ткачество, хотя оно не полностью исчезло, так как опиралось на импорт британской нити.

США и Западная Европа столкнулись с теми же угрозами, что и Индия, но им удалось избежать ее участи благодаря четырем элементам экономической политики, в совокупности образующим «стандартную модель» экономического развития (см. гл. 17 первого тома). Впервые эта модель была разработана в Соединенных Штатах и была призвана решить четыре задачи: создать крупный внутренний рынок путем отмены внутренних пошлин и создания транспортной инфраструктуры; установить внешние пошлины для защиты отраслей от конкуренции со стороны Британии; основать государственный банк, который стабилизировал бы денежное обращение и способствовал промышленному развитию; дать населению образование, тем самым подготовив его к коммерческой и технической деятельности. Конституция, вступившая в силу в 1790 году, отменила пошлины на уровне штатов, поэтому означала шаг вперед к созданию крупного внутреннего рынка. Программу вложений в инфраструктуру, установления внешних пошлин и создания государственного банка начертал в своем «Докладе о мануфактурах» 1791 года Александр Гамильтон, и впоследствии она была принята. Массовое образование появилось еще в колониальный период, а в первой половине XIX века правительства штатов признали всеобщее школьное образование обязательством государства, отчасти руководствуясь экономическими соображениями.

Стандартная модель создавала среду, прибыльную для местной обрабатывающей промышленности, и британские машины стали внедряться с большой охотой, так как высокая капиталоемкость производства представлялась привлекательной в свете высоких зарплат в США. К 1830-м годам в Америке зарплаты значительно превысили уровень Британии, где они перестали расти в 1790-е годы, и это подталкивало американцев к изобретению еще более капиталоемких технологий, чем британские. Так был заложен фундамент американского промышленного могущества.

Стандартная модель в Европе

В Европе теоретическое обоснование стандартной модели дал Фридрих Лист в своей «Национальной системе политической экономии» 1841 года, хотя на практике она к тому времени уже давно развивалась. В Западной Европе, чтобы внедрить британские технологии, приходилось преодолеть бóльшие трудности, чем в Северной Америке. Многие историки полагают, что в XVIII веке рост сдерживали устаревшие институты. Их сокрушили Французская революция и армии Наполеона, с которыми в завоеванные страны пришли модернизированные французские институты. В числе нововведений была отмена крепостного права, экспроприация монастырских владений, новый правовой кодекс, включавший принцип равенства перед законом, отмена внутренних таможенных пошлин, рационализация налоговой системы и тарифов, всеобщее школьное образование, расширение сферы высшего образования и создание научных институтов. Такие страны, как Пруссия, потерпевшие поражение от Наполеона, но не присоединенные к его империи, также реформировали свои институты, согласно тому же образцу.

Германия – это хороший пример стандартной модели в Европе. Пруссия ввела всеобщее школьное образование в 1763 году, и в последующие шестьдесят лет ее школьная система только укреплялась. В других сферах нужные меры были приняты после победы над Наполеоном. По окончании Венского конгресса Германия состояла из 38 государств, крупнейшим из которых была Пруссия. В 1818 году с целью создать обширный внутренний рынок и установить внешние пошлины Пруссия создала таможенный союз (Zollverein), в который к 1866 году постепенно вошли все германские государства. Помимо этого, благодаря строительству дорог и каналов, работам по изменению русел рек и возведению железных дорог упали внутренние транспортные издержки. Частные инвестиционные банки начали вести свою деятельность в Германии с первой половины XIX века. Банк Crédit Mobilier, основанный во Франции в 1852 году, совершил переворот в банковском деле континентальной Европы, поставив своей целью инвестиции в промышленные проекты. В 1853 году из него выделился первый из великих немецких инвестиционных банков, Дармштадтский банк, а к 1870 году и еще несколько кредитных учреждений. Рейхсбанк, центральный банк, был основан в 1876 году, через пять лет после объединения Германии. Эти организации способствовали стремительной индустриализации Германии в период перед Первой мировой войной, благодаря которой доля Западной Европы в мировом обрабатывающем производстве в этот период возросла.

Стандартная модель обеспечила инвестиционный климат и предложение труда, которые благоприятствовали капиталистическому развитию, однако воспользоваться открывшимися возможностями, построив современные заводы, предстояло частным фирмам. Стимулы к этому во Франции и Германии были слабее, чем в Соединенных Штатах из-за более низкого, а не более высокого, уровня зарплат на континенте по сравнению с Британией. Производить пряжу фабричным способом во Франции перед революцией было менее прибыльно, чем в Британии. Британские инженеры, однако, решили задачу за французов, постоянно усовершенствуя прядильную технику, в результате чего чистая стоимость грубой нити между 1775 и 1836 годом упала на 42 %. В прядении тонкой нити производительность выросла еще сильнее. При таких высоких уровнях эффективности применять прядильные машины было выгодней вне зависимости от стоимости труда или капитала, и после битвы при Ватерлоо на континенте стали быстро появляться прядильные фабрики. В ткацком деле повышение производительности давало сравнительно меньшие выгоды, поэтому стимулы к внедрению технологий зависели от относительных цен на капитал и труд. В итоге на континенте переход к паровой ткацкой машине осуществился лишь в конце XIX века. Внедрение современных технологий выплавки железа подчинялось тем же закономерностям (см. гл. 16 первого тома).

Технологический прогресс в ныне богатых странах

К середине XIX века Соединенные Штаты и Западная Европа уже вкушали плоды стандартной модели. Все отрасли, составлявшие основу британской промышленной революции, уже утвердились и прибыльно функционировали, а выпуск бурно рос. К началу Первой мировой войны Соединенные Штаты и Западная Европа обогнали Британию по уровню промышленного производства. Очаг технологического прогресса также переместился из Британии в страны-новички, такие как Германия и Соединенные Штаты. Отчасти этот переход эстафетной палочки можно объяснить самим фактом стремительного экономического роста в странах второго эшелона индустриализации. К примеру, выпуск железа и стали в Германии и Соединенных Штатах в период с 1870 по 1913 год рос намного сильнее, и это привело к тому, что большая часть новых заводов строилась именно там. Таким образом, создавались великолепные возможности для процесса коллективного обучения: фирмы обменивались информацией о работе новых заводов и могли поэтому использовать успешный опыт друг друга. Раскручивалась восходящая спираль прогресса: стремительный рост обусловливал высокие инвестиции, которые расширяли круг технических знаний и толкали производительность еще выше. Поскольку инвестиции осуществлялись в Германии и Америке, именно этим странам суждено было возглавить мировой технический прогресс (см. гл. 4 настоящего тома).

Наряду с этим прогресс технологий ускорялся благодаря вложениям Западной Европы и Северной Америки в систему университетов и научных исследований. Из этих вложений возникали новые знания, приводившие к техническим прорывам в таких отраслях, как химическая и электротехническая промышленность в XIX и самолетостроение, ядерная энергетика и микроэлектроника в XX веке.

Наконец, экономические стимулы способствовали такому развитию технологий, которое лишь усиливало разрыв в уровне развития регионов. В середине XIX века по уровню зарплат Америка, Западная Европа и Британия уже обгоняли остальной мир, и это стимулировало изобретателей вписывать свои технические идеи в концепцию заводов, предполагавшую меньшее расходование труда и большее – капитала. Построенные по таким проектам заводы еще сильнее повышали производительность, этот прогресс выливался в рост зарплат, и изобретателям в итоге приходилось придумывать еще более капиталоемкие технологии. Повышалась не только капиталоемкость, но и масштаб производства. Технологии, сделавшие богатые страны богатыми, подходили бедным странам все меньше и меньше.

Колониализм и экономическое развитие

В то время как страны, сегодня относимые к богатым, пробивались вперед, прочие страны отставали. Напрашивается вопрос: почему ни Азия, ни Африка, ни Латинская Америка не взяли на вооружение стандартную модель, доказавшую свою успешность в Северной Америке и Западной Европе? Отчасти это связано с колониальной системой (см. гл. 10 настоящего тома).

Индийские националисты считали, что их стране нужна стандартная модель. Но Индия ее не получила. Экономическая политика проводилась исходя из британских, а не индийских интересов. Национальная система образования отсутствовала. В XIX веке лишь 1 % населения посещал школу, а уровень грамотности взрослого населения составлял 6 %. До Первой мировой войны пошлины сохранялись на низком уровне и отвечали лишь задачам наполнения казны. Банковская политика, нацеленная на рост экономики, не проводилась. Единственное, что в развитии Индии было общего со стандартной моделью, – создание национального рынка посредством строительства железнодорожной сети. Ее главный экономический эффект состоял в стимулировании сельскохозяйственного экспорта. Строительство железных дорог не способствовало индустриализации Индии, поскольку рельсы, локомотивы и подвижной состав импортировались из Британии, а не производились внутри Индии. промышленное развитие носило ограниченный характер. В конце XIX века в Бомбее образовалась прядильная промышленность, а в Калькутте – джутовая. Хотя они были заметны на мировом рынке, в общей сложности в 1911 году в них было занято менее 1 % рабочей силы страны. Чтобы преобразить индийскую экономику, требовалась более решительная политика.

Колониальное подчинение Африке южнее Сахары значило, что и в этом регионе стандартная модель не смогла бы появиться. Когда в XIX веке открылись новые возможности, африканцы сумели ими воспользоваться. Благодаря падению стоимости доставки цены на такие продовольственные товары, как пальмовое масло и какао-бобы, в портах Западной Африки снизились. Африканцы стали засеивать обширные площади и собирать больший урожай, стали больше работать. Лишние деньги они тратили на покупку европейской одежды и скобяных изделий.

Правительства африканских стран не приложили больших усилий, чтобы использовать новые выгодные условия на благо местных жителей. Пошлины для защиты промышленности не применялись, и местные производства, например крупное хлопчатобумажное ремесло в окрестностях Кано, исчезли. Банки для финансирования африканских предприятий так и не возникли. Колониальные власти не участвовали в системе образования, и без того слабой. Справедливости ради нужно упомянуть о строительстве немногочисленных железных дорог, которые соединили побережье с внутренней частью континента. По сути, экономическое развитие континента ограничивалось захватом угольных шахт и сельскохозяйственных угодий, их передачей европейским переселенцам, а также насильственным привлечением африканцев на строительство железных дорог и работу на плантациях.

В наследство от колониального периода Африке достались особенно плохие институты. Поскольку тропические леса кишели болезнями, подсечно-огневое земледелие было сопряжено с высокой смертностью, и это препятствовало быстрому росту населения. Свободной земли было много даже спустя несколько десятилетий после начала XX века. Земля ничего не стоила, поскольку всегда можно было очистить новый участок, не нарушая чьих-либо прав. В результате государство не могло извлекать доход, обрабатывая, сдавая в аренду или облагая налогами землю. Племена, представлявшие из себя сообщества производителей на данной местности, были наиболее частой формой политической организации. Более сложные госу-

дарственные образования возникали на фундаменте рабства, процветавшего ввиду скудости и большой ценности трудовых ресурсов.

Во многих регионах Африки колониальная администрация пыталась умиротворить население, предоставляя право на местное самоуправление «вождям» «племен». Кавычки в названиях этих терминов объясняются тем, что это были конструкты колониального периода, зачастую не имевшие никакого отношения к местным условиям. На самом деле племена и вожди изобретались там, где до этого они не существовали. Вожди заняли на службе у империй место надсмотрщиков, которые эксплуатировали население, насильно сгоняя его на работы и раздавая принадлежавшую ему общинную землю, и выбивали себе привилегии у «белых» властей. Колониальный режим, таким образом, создал слой мелких сельских деспотов, ориентированных на извлечение ренты, которые во многих местностях продолжают существовать и по сей день.

Модель догоняющего развития: Мексика

Хотя независимые страны имели больше власти над экономической политикой, многие из них не прилагали никаких усилий, чтобы догнать Запад, остальные же принимали для внедрения стандартной модели половинчатые меры. Лишь небольшое число государств подошло к задаче развития своей экономики с должным упорством и энергией.

Показательный пример страны, где задачу экономического развития начали решать слишком поздно и сделали для ее решения слишком мало, – это Китай. Когда лорд Макартни в 1792–1794 годах представил китайскому императору Цяньлуну паровой двигатель и другие достижения западного инженерного ума, тот не увидел в них никакой пользы. Даже потерпев поражение в Опиумных войнах, Китайская империя не приступила к модернизации – судя по всему, император ошибочно полагал, что ни одна иностранная армия не сможет дойти до Пекина. В 1850–1864 годах по стране пронеслась буря восстания тайпинов. Когда оно было окончательно подавлено, контроль над большей частью страны захватили местные военачальники. И хотя реформы наконец начались во второй половине XIX века в рамках политики «самоусиления», они были слишком узкими и проводились недостаточно активно.

Экономика Мексики развивалась в XVIII веке, скрещивая испанские и местные технологии (см. гл. 13 первого тома). К традиционным местным культурам, таким как маис, бобовые и тыква, добавилась пшеница. Ацтеки не держали какого-либо крупного домашнего скота, поэтому с появлением овец, быков, лошадей и мулов сфера транспорта, равно как и сельское хозяйство, пережили настоящую революцию: образовалась шерстяная промышленность, занявшая важное место в экономике. Меркантилистская политика испанских властей, наряду с плохими дорогами, составлявшими естественную преграду на пути из Веракруса к Мексиканскому плато, помогла развитию обрабатывающей промышленности. К концу XVIII века вслед за падением транспортных издержек начался рост импорта из Европы. Как писал в 1803 году Александр фон Гумбольдт, живший в то время в Мехико, «сегодня производство керамической посуды [в Пуэбле] резко сократилось, что было вызвано низкими ценами на ввозимую через Веракрус из Европы обливную глиняную посуду и фарфор, в результате чего из 46 функционировавших в 1793 году мануфактур к 1802 году осталось только 16 мастерских, изготавливавших керамическую посуду, и 2 мастерские, выпускавшие стеклянные изделия» (Аллен 2013: 122). Текстильное производство, переживавшее в Пуэбле бурный подъем в 1790-е годы, когда из-за войны импорт из Испании прекратился, после 1804 года оказалось перед лицом новой угрозы импорта из Каталонии, а затем, после обретения независимости в 1821 году, – дешевого импорта из Британии.

Мексика ответила на этот вызов, перейдя к усеченной версии стандартной модели экономического развития. Ввоз импортных тканей был обложен пошлинами (хотя эффект от них, возможно, исчезал из-за одновременного введения пошлин на хлопок-сырец), а часть таможенных платежей передавалась вновь образованному Banco de Avío, который ссужал их хлопкопрядильным фабрикам на покупку оборудования. В период с 1835 по 1843 год было основано около тридцати пяти хлопкопрядильных фабрик. Эти достижения не привели к большому росту – отчасти потому, что все машины импортировались, а в качестве инженеров для возведения и управления фабриками нанимались иностранцы. Из мексиканцев набирали только неквалифицированных рабочих-операторов. Столь ограниченный эффект свидетельствовал об урезанном характере стандартной модели. Единый национальный рынок не сложился (мексиканские штаты продолжали облагать внутреннюю торговлю), попытки дать образование широким слоям населения не предпринимались. Грамотной была лишь политическая элита Мексики, имевшая европейское происхождение, но она насчитывала лишь одну пятую населения. Остальные мексиканцы не имели даже школьного образования. В этом состояла суще-

ственная разница по сравнению с Соединенными Штатами и западноевропейскими странами, вставшими на путь индустриализации.

Несколько более энергично стандартная модель экономического развития внедрялась в 1877–1911 годы, в период правления диктатора Порфирио Диаса. Были устранены пошлины между штатами и создана национальная сеть железных дорог, в результате чего возник общий рынок. Для защиты мексиканской промышленности стали применяться пошлины, а банковская система укрупнилась. Заметное новшество в сфере экономической политики заключалось в том, что, в отличие от Северной Америки и Западной Европы, которые финансировали промышленную революцию преимущественно за счет внутренних сбережений, Мексика для финансирования инвестиций более активно использовала иностранные займы (см. гл. 9 настоящего тома). Главным же каналом проникновения современных технологий в Мексику стали зарубежные фирмы. Тем не менее массовому образованию по-прежнему не уделяли внимания.

В период порфириата (диктатуры Порфирио Диаса, 1876–1911 годы) мексиканская экономика росла в среднем на 2,2 % в год в душевом выражении. Эта цифра немного превышала темпы роста США (1,8 %), но была недостаточной, чтобы перестроить экономическую структуру и догнать богатые страны в разумный срок. Важная причина того, почему Мексика не добилась лучших результатов, состоит в том, что в технологическом отношении она полагалась на импорт из Соединенных Штатов, а не на свои собственные изобретения. Отсутствие внутренней сферы исследований и разработок (НИОКР) вызывалось слабым притоком образованных кадров (80 % мексиканцев к тому времени все еще были неграмотными, тогда как среди белого населения США грамотными были почти все). В результате технологии прогрессировали лишь в секторе экономики, находящемся под контролем иностранных компаний (см. гл. 4 и гл. 6 настоящего тома). Спрос на труд рос не настолько быстро, чтобы создать давление на рынке труда. В итоге реальные зарплаты поползли вниз, и в 1911 году режим рухнул под напором Мексиканской революции.

Модель догоняющего развития: Россия

Российская империя преследовала схожую политику и пришла к схожим результатам. Первые попытки модернизировать страну предпринял Петр Великий в начале XVIII века. И хотя он возвел новый город и несколько фабрик, его политика упрочивала крепостную зависимость крестьян и соответствующую общественную иерархию – что объясняет, почему его реформы не вызывали устойчивого роста. Экономическое развитие современного типа началось лишь после поражения России в Крымской войне, после которого царь Александр II отменил крепостное право. Но и это не привело к стремительному росту, возможно, потому, что наделы достались в собственность сельским общинам, а не отдельным крестьянам, их обрабатывавшим, и общины сохраняли существенную власть над передвижениями и доходами бывших крепостных. Право крестьян вместе с землей покидать общину было законодательно закреплено лишь в ходе столыпинских реформ 1906 года. О том, какое воздействие сельские институты России оказали на темпы ее экономического роста, по-прежнему идут споры.

Как бы там ни было, к концу XIX века Россия воплощала стандартную модель уже во всех ее составляющих. Во-первых, строительство железных дорог создало национальный рынок. К 1913 году железнодорожные линии протяженностью в 71 тыс. километров соединяли с глобальным рынком даже самые удаленные земледельческие регионы, такие как Западная Сибирь. Во-вторых, экономическое развитие в России поощрялось с помощью пошлин и государственного заказа. К примеру, чтобы побудить к вложениям в российские фабрики, высокими пошлинами облагалась хлопчатобумажная ткань. Кроме того, чтобы поощрить выращивание хлопка-сырца на территории будущего Узбекистана, его также оградили протекционистскими мерами, хотя пошлины при этом удерживались на уровне достаточно низком, чтобы изделия из хлопка тоже были защищены от конкуренции. Таможенные пошлины на сталь, рельсы и локомотивы позволили создать современные сталеплавильные, горно-обогатительные и машиностроительные производства. В-третьих, хотя к созданию современной банковской системы были приложены некоторые усилия, прогресс в этой области шел медленно. Как и Мексика, Россия полагалась на зарубежные инвестиции в гораздо большей степени, чем Соединенные Штаты, Германия или Япония на каком-либо из этапов их развития. Наряду с этим, как и для Мексики, для России главным орудием технологической модернизации выступали фирмы в иностранной собственности. Наконец, Россия больше, чем Мексика, способствовала развитию школьного образования. Школы создавались не общенациональным правительством, а местными властями. К началу Первой мировой войны около двух пятых населения умели читать и писать, и эта доля быстро увеличивалась.

Как и в случае с Мексикой, в России стандартная модель привела лишь к скромному экономическому росту и лишь к небольшим структурным преобразованиям. Важнейшим достижением было создание сектора тяжелой промышленности. Ее производительность в период с 1885 по 1913 год подскочила в десять раз, а доля в ВВП повысилась с 2 до 8 %. Удельный вес сельского хозяйства в ВВП снизился с 59 до 51 %, однако на долю сельскохозяйственной продукции приходилась половина всего увеличения ВВП. И эта доля была еще выше, если учесть операции в сфере услуг и транспорта, связанные со сбытом зерна и аналогичных товаров. Рост сельского хозяйства, в свою очередь, был обусловлен ростом мировых цен на пшеницу после 1896 года и строительством железных дорог, соединивших крестьянские хозяйства с рынками Западной Европы. И все равно российский ВВП рос слабыми темпами (1,9 % в год), чего было мало, чтобы ужесточить рынки труда. В результате реальные зарплаты пришли в состояние застоя и все повышение национального дохода досталось владельцам капитала и земли. Следствием этого неравномерного развития стали революции 1905 и 1917 годов.

Модель догоняющего развития: Импортозамещающая индустриализация в Латинской Америке

Если Россия после 1917 года перешла к радикально иной стратегии экономического развития (которую мы рассмотрим ниже), то Латинская Америка настойчиво воплощала стандартную модель, разновидность которой получила название импортозамещающей индустриализации (ИИ). Важнейшее место продолжала занимать Мексика, к которой в конце XIX века присоединились Аргентина, Уругвай и Чили. Эти страны находились слишком далеко от Европы, чтобы вести с ней обширную торговлю в эпоху парусного судоходства, однако с появлением паровых судов в 1860-е годы издержки на перевозку упали и торговля стала стремительно расти. Аргентина и Уругвай разбогатели на вывозе пшеницы и говядины, Чили – на экспорте минерального сырья. В результате в Аргентине к началу Первой мировой войны население и уровень дохода стали достаточно большими, чтобы государство могло начать продвигать промышленность. Уже в 1884 году власти гарантировали всеобщее школьное образование (в этом плане страны Южного конуса шли далеко впереди остальной части континента). Тогда же по стране успели протянуться многочисленные железнодорожные линии для доставки пшеницы и говядины на побережье. Важнейшие отрасли были защищены высокими пошлинами. Главным источником финансовых средств и технологий для Аргентины, как и для Мексики и России, выступали иностранные инвестиции и фирмы.

После Второй мировой войны эта политика стала проводиться с удвоенной силой, и круг стран, в которых стандартная модель воплощалась более полно, расширился. К примеру, первые шаги к расширению образования Мексика сделала после революции 1911 года, однако всеобщим школьное образование там стало лишь после Второй мировой войны. (Всеобщее образование как составляющая стратегии экономического развития по-настоящему было признано лишь после 1950 года, хотя не везде его введение дало большие результаты.) Благодаря бюджетным инвестициям и банкам развития, спонсируемым государством, во всех частях континента сбережения населения быстро росли. Иностранные фирмы по-прежнему являлись важным каналом передовых технологий и финансовых средств для промышленности, однако общие рамки для их деятельности задавало государство. Чтобы помочь обрабатывающей промышленности, большинство латиноамериканских государств применяло таможенные пошлины, государственный заказ и требования к локализации производства. К примеру, декрет об автомобильной промышленности, выпущенный в 1959 году в Аргентине, требовал, чтобы автомобили, продаваемые на местном рынке, на 90 % производились внутри страны. Автомобильная промышленность стремительно росла и в 1960-е годы составляла 10 % аргентинской экономики.

Однозначно оценить результаты импортозамещающей индустриализации для Латинской Америки нельзя. Положительный результат состоял в том, что в 1914–1980 годах душевой ВВП вырос почти в четыре раза. У этого была обратная сторона – созданные промышленные мощности были крайне неэффективны. Реальные издержки на выпуск автомобилей в Аргентине, к примеру, в 2,5 раза превышали их уровень в США. Объяснялось это слишком маленькими размерами Аргентины, не позволявшими ей использовать экономию на масштабах производства, достигнутую крупными автозаводами богатых стран. Например, в 1960-е годы минимально эффективный размер завода по сборке автомобилей составлял 200 тыс. единиц техники в год, а минимально эффективный размер завода по производству двигателей и коробок передач – 1 млн единиц техники в год. Крупнейшая в Аргентине фирма производила всего 57 тыс. автомобилей в год. Если бы весь рынок страны обслуживал только один завод, то сборка транспортных средств осуществлялась бы эффективно, однако двигатели, коробки передач и другие важнейшие компоненты по-прежнему изготовлялись бы в слишком маленьком масштабе.

Эта ситуация повторялась и в других отраслях, например в нефтехимии. Стандартная модель породила общую неэффективность экономики Латинской Америки второй половины XX века.

Важно понимать, что в XIX веке, когда стандартную модель впервые начали воплощать, технологии были иными. Например, в 1850-е годы объем рынка хлопчатобумажных тканей в Соединенных Штатах превышал минимальный эффективный размер хлопкопрядильной фабрики в 2000 раз. Схожим образом объем рынка железа в 160 раз превышал минимальный эффективный размер доменной печи. Хотя можно допустить, что в XIX веке стандартная модель взваливала груз на потребителей в виде более высоких цен на продукцию, она не сковывала развитие таких стран, как Соединенные Штаты и Германия, изначально неэффективными промышленными структурами. В этом основная причина того, почему стандартная модель привела к успеху в тех странах, которые первыми ее внедрили, но давала все меньшие и меньшие результаты в странах, позднее начавших индустриализацию и пытавшихся перенять успешный опыт, преследуя аналогичную стратегию.

Стандартная модель в том видоизмененном виде, который она приобрела к концу XIX века, имела еще одну слабую сторону, предопределившую ее скорый закат. Полагаясь на внешние заимствования, латиноамериканские государства подчиняли свое внутреннее накопление капитала колебаниям на международных финансовых рынках. После того как примерно в 1980 году Соединенные Штаты и Великобритания перешли к монетаристской макроэкономической политике, главным критерием для центральных банков стали темпы роста денежного предложения, а не другие показатели, как, например, процентные ставки. В попытках ограничить рост предложения денег центральные банки запустили раскручивающуюся спираль процентных ставок. Поскольку иностранные долги приходилось рефинансировать исходя из все более и более высоких процентных ставок, груз долга на плечах у Латинской Америки все возрастал, и в 1982 году Мексика объявила дефолт по внешним обязательствам. Финансовый кризис охватил и остальные страны региона. Западные державы громко потребовали от Латинской Америки реформ, и странам континента пришлось перейти к политике «Вашингтонского консенсуса» – стабилизации, либерализации и приватизации. Считалось, что эта политика даст толчок экономическому росту, устранив неэффективные производства, созданные индустриализацией по модели импортозамещения. Но привела она лишь к нескольким десятилетиям упущенного экономического роста.

Модель догоняющего развития при более активном участии государства в XIX веке: Египет

Тогда как одни периферийные экономики пытались в XIX веке запустить индустриализацию, внедряя хотя бы часть элементов стандартной модели, другие страны экспериментировали с более активным вмешательством государства.

Любопытный пример страны, предвосхитившей многие характеристики советской модели развития, – это Египет. В 1805 году пашой Египта, формально входившего в состав Османской империи, был назначен Мухаммед Али. Это произошло после того, как войска Наполеона покинули страну и разгорелась гражданская война между мамлюками, ранее контролировавшими территорию, и силами османов. Мухаммед Али оставался абсолютным правителем Египта до своего отречения в 1848 году. В 1811 году он казнил ведущих мамлюков, разгромил их военные силы и затем «национализировал» землю, оставив ее тем не менее в руках землевладельцев. Когда прежняя аристократия была уничтожена, Мухаммед Али стал изымать сельскохозяйственные излишки с помощью внешнеторговой монополии, платя производителям за продовольствие и хлопок более низкие цены и продавая их по более высоким ценам городским жителям и еще более высоким – на экспорт. На эти средства он основал современную армию, многочисленные строительные и военные заводы, а также текстильную промышленность, экспортировавшую ткани на Средний Восток и успешно конкурировавшую там с Британией. Чтобы избавить Египет от зависимости от импортного оборудования, была основана собственная машиностроительная промышленность. Для поощрения индустриализации пошлины было нельзя использовать (Османская империя ограничила их уровень 3 %) и вместо этого применялась государственная собственность. В финансировании промышленности манипуляции с ценами заменили банки. Наряду с этим Мухаммед Али вкладывал средства в строительство каналов и дорог. Для обучения технического и управленческого персонала были учреждены современные школы, хотя основа для массового образования не была заложена.

Несмотря на всю свою раннюю зрелость, египетский эксперимент не увенчался успехом. Долгое время шел спор, было ли это вызвано внутренними недостатками или британским империализмом. И в самом деле, лорд Палмерстон писал: «Может быть, Великобритания поступает дурно и пристрастно, подчиняя себе Мухаммеда Али, но наш долг быть пристрастными – того требуют от нас жизненные интересы Европы». После поражения, которое британцы нанесли силам Мухаммеда Али в 1840–1841 году в Леванте, на Египет распространились положения Балталиманского договора 1838 года между Османской империей и Великобританией. Договор ограничивал уровень пошлин и, что самое важное, отменял монополии. Налоговая система Мухаммеда Али была разрушена, а с ней и вся структура его государства и планы экономического развития.

Модель догоняющего развития при более активном участии государства в XIX веке: Япония

В Японии после 1868 года государство также решительно содействовало экономическому росту, и это принесло гораздо больший успех, чем в Египте. Развитие Японии без преувеличения можно назвать самым успешным в XX веке.

Периоду бурного развития Японии предшествовала так называемая эпоха Токугава (1603–1868): страной правили сегуны из рода Токугава, а не император, остававшийся номинальной фигурой. Политически страна была поделена на несколько сотен «феодальных» княжеств, при этом общество делилось на четыре касты (самураи, крестьяне, ремесленники и купцы). В 1868 году Япония обладала многими отличительными признаками «слаборазвитости»: большинство населения работало в сельском хозяйстве, реальные зарплаты были очень низкими, фабричная промышленность отсутствовала. В то же время наблюдались ростки современной экономики. В XVII веке существенно выросли производство риса и численность населения. Военные феодалы (дайме) поощряли развитие мануфактур на селе и в мелких городах и в итоге последние быстро росли. Города достигали крупных размеров: в Эдо (современном Токио) проживал миллион человек, тогда как в Осаке и Киото – по 400 тыс. человек. Наконец, необыкновенно распространенной для сельского общества была грамотность.

Об уровне административных и инженерных знаний в Японии периода Токугава можно судить по истории появления в этой стране чугунолитейной промышленности. Начиная с 1635 года в порты Японии допускались лишь суда из Китая, Кореи и Нидерландов, причем голландцам разрешалось находиться лишь в маленьком поселении около Нагасаки. Всякие попытки иностранцев выйти на контакт с местными жителями пресекались. Поэтому, когда английский фрегат «Фаэтон» в 1808 году вошел в порт Нагасаки, охотясь за голландским кораблем, это вызвало серьезный переполох. «Фаэтон» угрожал обстрелять город, если ему не предоставят необходимую провизию. Японцам пришлось уступить, поскольку у них не было пушек для ответного удара. Набэсима Наомаса, ставший дайме Нагасаки, вознамерился исправить положение, построив чугунолитейный завод для выплавки орудий. Это было новшество для Японии, железоделательная отрасль которой до тех пор ограничивалась кузницами для ковки железа, работающими на древесном угле. Чтобы решить поставленную задачу, были собраны ученые и мастера железного дела. Они перевели голландскую книгу, описывавшую чугунолитейный завод в Лейдене, и попробовали повторить прочитанное на практике. После многих попыток им удалось выплавить чугунную пушку.

Внешняя угроза Японии усилилась многократно в 1853–1854 годах, когда коммодор Военно-морских сил США Перри угрожал атаковать Японию, если сегун не согласится снять торговое эмбарго, – что ему и пришлось сделать. Токугава в союзе с рядом дайме начали развивать современные вооруженные силы для обороны страны, однако эти реформы оказались недостаточными. В итоге в 1867 году фактически произошел переворот: на трон взошел император Мэйдзи, и в следующем году сегун «добровольно» передал свою власть императору.

Начало экономического роста современного типа в Японии обычно датируется реставрацией Мэйдзи, вызвавшей шквал институциональных преобразований. За короткий промежуток времени 1,9 млн самураев уступили свои владения в обмен на пенсию, которая начислялась в виде государственных облигаций. Для крестьян были введены современные права владения хозяйствами, и вместо старых феодальных платежей своим господам теперь они должны были платить поземельный налог государству. Он стал главным источником дохода в первые годы правления нового императора. Деление общества на четыре разряда периода Токугава было упразднено. В 1873 году была введена всеобщая воинская повинность, на основе которой воз-

никла армия западного типа. На основе зарубежной практики, считавшейся японцами наилучшей, выстраивались структуры современного государства.

Провозгласив лозунг «богатая страна, сильная армия», государство Мэйдзи стремилось путем бурного экономического развития решить свои военные задачи. И хотя японцы были бы не прочь реализовать стандартную модель в полном виде, изначально им пришлось ограничиться лишь двумя из четырех ее элементов. Во-первых, отменив внутренние пошлины феодальных княжеств и построив систему железных дорог в 1870-е годы, Япония создала национальный рынок. Во-вторых, в 1872 году было гарантировано всеобщее начальное школьное образование, введение которого к началу XX века в основном завершилось. Была несколько расширена сфера среднего образования, выстроены качественные университеты, а тысячи японцев отправлены на учебу за рубеж. В-третьих, Япония не могла использовать внешнеторговые пошлины для защиты зарождавшихся отраслей, так как договор 1866 года, навязанный ей имперскими державами, не позволял устанавливать их выше 5 %. Это ограничение действовало до начала XX века, когда Япония вернула себе контроль над таможенной политикой и смогла внедрить стандартную модель в более полном объеме. В-четвертых, были предприняты шаги к созданию центрального банка и современных инвестиционных банков. Однако прогресс в этой области шел медленно вплоть до 1920-х годов.

Столкнувшись с трудностями, Япония изобрела крайне эффективную альтернативу стандартной модели. Не имея возможности защитить развитие промышленности пошлинами, японское государство использовало в качестве альтернативы субсидии, госзаказ и государственную собственность. Эти инструменты составляли основу «целенаправленной промышленной политики», доказавшей в XX веке свою плодотворность. В отличие от Мексики и России, для которых источником современных технологий выступали иностранные компании, Япония взращивала свои фирмы. Вместо того чтобы из-за рубежа импортировать изоляционный материал для телеграфных линий, которые тянулись вслед за первыми железными дорогами, правительство заключило контракты с местными гончарными мастерскими, тем самым подтолкнув развитие керамической промышленности. В 1905 году государство заложило основу современной сталелитейной индустрии, создав компанию Yawata Iron and Steelworks, находившуюся в государственной собственности и получавшую субсидии долгие годы, прежде чем ее операции вышли на эффективный уровень. Во время Первой мировой войны, когда страна была отрезана от импорта турбин для электростанций, заказ на поставку был передан Hitachi, не имевшей опыта в производстве подобного оборудования, но получившей его благодаря поддержке государства. В 1930-е годы военное ведомство снабжало большим потоком заказов и тем самым субсидировало автомобилестроение и самолетостроение. Выбрав такой путь, правительство выстроило инженерный и управленческий потенциал страны и взрастило фирмы, на основе которых японская экономика успешно развивалась после войны.

В период Мэйдзи эволюция японских технологий была очень специфической и отражала стратегию страны по выстраиванию технического потенциала. В 1870-е и 1880-е годы власти импортировали современные машины для установки их на государственных фабриках. Многие из этих фабрик оказались впоследствии неприбыльными и закрылись. Отчасти эти неудачи вызывались тем, что ввозимые технологии не соответствовали японским условиям. Для иностранного оборудования была характерна высокая капиталоемкость, а зарплаты в Японии были низкими, поэтому западные проектные решения не обеспечивали эффективности издержек. Японские фирмы пересмотрели западные чертежи так, чтобы машины требовали меньше капитала и больше труда. Хлопкопрядильные мюль-машины, импортированные из Британии государством, были слишком дороги в применении и поэтому первые коммерчески успешные хлопкопрядильные фабрики использовали быстрое веретено, изобретенное Токимунэ Гауном при финансовой поддержке местного ведомства по развитию промышленности. И тогда как британские (а также индийские) фирмы работали в одну смену продолжитель-

ностью в 11 часов, японские фабрики работали в две смены по 11 часов, сокращая тем самым издержки на капитал вдвое. Схожим образом, Япония быстро внедрила технологию кольцевого прядения, опять же повышавшую производительность капитала. В межвоенный период был разработан метод доставки сырья и материалов «точно в срок», позволявший снизить затраты на поддержание запасов. Метод произвел настолько большой эффект, что его стали использовать не только там, где капитал был дорог, но и там, где он был дешев.

Все эти политические меры с успехом стимулировали экономический рост. К началу Второй мировой войны в Японии возникло промышленное урбанизированное общество. И Япония была единственной страной в Азии, сумевшей совершить в тот период подобный скачок.

Индустриализация «большого толчка»: Советский Союз

Япония в 1870–1940-х годах добилась впечатляющих результатов, однако достигнутые темпы роста (2 % в год на душу населения) были малы, чтобы догнать Запад. Трудность состояла в том, что и страны-лидеры не стояли на месте – для успеха нужно было попасть по бегущей мишени. В период с 1870 по 1940 год душевой доход в Соединенных Штатах рос на 1,5 % в год. Если эти темпы роста продлить в будущее, исходя из уровня дохода в 1950 году, то, чтобы догнать США, Японии потребовалось бы 327 лет. Нужно было расти быстрее, и, чтобы ускориться, после Второй мировой войны Япония поменяла свою стратегию развития.

Японии не одной предстояло решить такую задачу. У типичной бедной страны душевой уровень дохода составляет 20–25 % от среднего дохода богатой страны. Если душевой доход богатой страны увеличивается на 2 % в год и бедная страна стремится догнать богатую страну за два поколения (шестьдесят лет), душевой доход бедной страны должен расти на 4,3 % в год в течение шестидесяти лет. Если также учесть рост населения, то получится, что догнать лидера можно, только если совокупный ВВП будет расти на 6 % в год в течение шестидесяти лет.

Лишь очень немногим странам удавалось сохранять столь стремительный рост в течение столь долгого времени. В период с 1955 по 2005 год лишь в десяти странах среднегодовой рост душевого ВВП достигал 4,3 %. Особый случай составляют Оман, Ботсвана и Экваториальная Гвинея, где в этот период были открыты крупные запасы нефти или алмазов. Сингапур и Гонконг – это города-государства и поэтому тоже составляют особый случай: там не было крестьянского сектора сельского хозяйства, который по мере увеличения инвестиций наводнял бы мигрантами города. Зарплаты, следовательно, могли повышаться по мере роста спроса на труд и плоды процветания могли распределяться равномернее. Интересный пример представляют крупные страны с мощным сельскохозяйственным сектором – Япония, Южная Корея, Тайвань, Таиланд и Китай. Кроме того, в выборку можно добавить Советский Союз, где в период с 1928 по 1970 год душевой доход рос на 4,5 % ежегодно (если исключить из рассмотрения 1940-е годы).

Этим странам нужно было преодолеть разрыв с Западом по трем показателям – по уровню образования, капитала и производительности. Массовая школьная система устраняла разрыв в сфере образования, а та или иная разновидность индустриализации под руководством государства позволяла решить вторую и третью задачи. Всюду внедрялись крупномасштабные капиталоемкие технологии, даже несмотря на то, что первоначально они, вероятно, не были эффективны с точки зрения издержек. Этим странам удалось избежать той неэффективности, которую была вынуждена терпеть Латинская Америка, пытавшаяся втиснуть современные технологии в узкие границы своих малых экономик. Они либо были достаточно велики, чтобы поглотить продукцию крупных предприятий, либо получили доступ к рынку США, потеснив американских производителей.

Крупные страны, которым удалось достичь быстрого роста, сделали это с помощью стратегии «большого толчка». Чтобы выйти на рост ВВП в 6 и более процентов в год, нужно было синхронно предпринимать такие инвестиции, которые в более медленно растущих экономиках осуществлялись поэтапно. Города нужно было построить до того, как появятся отрасли, которые обеспечат занятость населению. Автомобильные заводы должны были строиться до того, как для них появится листовой прокат, а металлургические заводы, поставляющие листовой прокат, нужно было строить до того, как будут готовы автомобильные заводы, его потребляющие. При таком подходе каждое капиталовложение должно делаться при уверенности, что совершатся сопряженные инвестиции. Чтобы достичь этой уверенности, тот или иной вид планирования или координации вложений неизбежен. Существенное различие между стра-

нами заключалось в том, какие методы координации они применяли и насколько эти методы были эффективны.

Каноническим примером индустриализации «большого толчка» является Советский Союз. Большевики одержали победу в Гражданской войне, последовавшей за революцией 1917 года, однако экономика лежала в руинах. Ее возрождению послужила Новая экономическая политика (1921–1928) Ленина, которая сочетала государственную промышленность и крестьянское сельское хозяйство. После смерти Ленина в 1924 году разгорелась борьба за власть, и в ней победил Сталин. В 1928 году был принят первый пятилетний план, который дал старт «большому толчку». К 1941 году, когда в страну вторглись немецкие армии, СССР мог похвастаться тысячами фабрик и электростанций. Чтобы обеспечить города продовольствием, сельское хозяйство было подвергнуто принудительной коллективизации, а миллионы бывших крестьян отправили в города и на далекие стройки. Многие бежали от террора, развязанного государством против зажиточных крестьян, еще миллионы были депортированы в ходе политических чисток.

Вторая мировая война лишила жизни около 25 млн советских граждан и уничтожила немалую долю основного капитала страны. Тем не менее к 1950 году ВВП и основной капитал вернулись к уровню 1940 года, и стремительный рост возобновился. Экономика работала настолько безупречно, что стало казаться, будто советский эксперимент даст всем бедным странам пример, как нужно догонять Запад. В 1970-е годы, однако, начались сбои. Хотя инвестиции оставались высокими, темпы роста постепенно ослабли. В 1985 году расширение экономики прекратилось. Президент Горбачев провозгласил перестройку; централизованному планированию пришел конец. Эти перемены настали слишком поздно, чтобы спасти Советский Союз, и в 1991 году он распался.

Советская история ставит перед нами два вопроса относительно развития. Первый вопрос – почему в 1928–1970-е годы экономика росла так быстро. Советские фирмы находились в собственности у государства, и объем вложений (как и направления их использования) определял Госплан. Координация в экономике осуществлялась методом планирования материальных балансов – подхода, при котором плановые органы определяли совокупный объем производства большинства видов продукции и, исходя из этой совокупной величины, спускали отдельным фирмам задания. Стремительный рост базировался на четырех предпосылках. Во-первых, повышенная доля инвестиций направлялась в металлургическую, строительную и машиностроительную отрасль, благодаря чему можно было быстро создать основной капитал. Во-вторых, основной целью фирм было не получение прибыли, а выполнение заданий по выпуску, спускаемых из центрального планового органа. В-третьих, фирмы не были ограничены по издержкам, поскольку это могло помешать им выполнить задание. Фирмы получали банковские займы, чтобы покрыть свои издержки и, таким образом, действовали в условиях «мягких бюджетных ограничений» в отличие от «жестких бюджетных ограничений» у капиталистических фирм. В-четвертых, стремительно расширялась система образования, целью которой была подготовка для промышленной экономики инженеров, управленцев и рабочих.

В таком режиме душевой ВВП стремительно возрастал. Это достигалось за счет как ускоренного роста ВВП, так и снижения темпов роста населения. ВВП увеличивался стремительно, поскольку вложения в производство средств производства вели к быстрому росту физического основного капитала и поскольку расширение системы образования приводило к тем же последствиям для человеческого капитала. В условиях, когда фирмам ставились задания по выпуску, их управляющие сосредоточивали силы на увеличении производства, а мягкие бюджетные ограничения позволяли прибыльно увеличивать занятость при наличии структурной безработицы в сельском хозяйстве.

Также душевой доход стремительно увеличивался из-за медленного роста населения. Решающую роль в этом сыграл вовсе не политический террор Сталина и не вторжение гит-

леровских армий, а падение коэффициента рождаемости. В 1920-е годы советские женщины в среднем имели семь детей, что соответствовало обычному значению в очень бедных странах. К 1960-м годам среднее число детей на одну женщину упало до трех. За этим снижением крылись те же самые причины, что и в других бедных странах – рост уровня образования женщин и вовлечение их в оплачиваемый труд за пределами домашнего хозяйства. Эти тенденции были обусловлены советской политикой в сфере образования и занятости.

Второй важный вопрос, который ставит советская экономическая история, – почему после 1970-х годов темпы роста снизились. Экономисты спорили о причинах и предложили широкий спектр ответов. По мнению одних, диктатура сковывала свободу мысли и изобретательство, по мнению других – слишком много ресурсов НИОКР направлялось в военную сферу в ущерб гражданской промышленности. Третья группа авторов видела в этом доказательство невозможности экономического планирования. По мнению четвертых, развитие промышленности за счет сельского хозяйства привело к исчерпанию излишков рабочей силы. По мнению пятых, стимулы фирм искажались из-за плановых заданий по выпуску и мягких бюджетных ограничений, заставляя их скапливать труд и другие ресурсы, вместо того чтобы высвобождать их для других игроков в экономике. Рассмотреть этот вопрос полезно в свете китайской истории, к которой мы вскоре перейдем.

Индустриализация «большого толчка»: Япония

Для Японии Вторая мировая война окончилась сокрушительным поражением. Воссоздавать с ровного места предстояло не только промышленность, – пересматривать пришлось и те национальные ориентиры, которые определяли развитие страны со времен реставрации Мэйдзи. С империализмом было покончено, от лозунга «сильная армия – богатая страна» осталась только «богатая страна». И эту задачу Япония решила исключительно успешно. Темпы роста душевого ВВП поднялись с 2 % в год в 1870–1940 годах до 5,9 % в 1950–1990 годах. Наивысших темпов страна достигла в период с 1953 по 1973 год, когда ее душевой ВВП рос на 8 % в год. В результате по уровню жизни Япония сравнялась с богатыми странами.

И добиться столь впечатляющих успехов она смогла лишь полностью пересмотрев политику в области технологий, сформулированную в период Мэйдзи. Вместо того чтобы приспосабливать западные технологии к условиям низких зарплат (то есть сокращать использование капитала и повышать использование труда), Япония нацелилась на самые крупномасштабные и капиталоемкие технологии. На развалинах войны выросла передовая промышленная экономика, и цены на факторы производства приспособились к новым капиталоемким условиям, а не наоборот.

На начальной стадии право выбирать технические решения закреплялось не за частными фирмами, а за государственными институтами. Самым известным из них стало Министерство внешней торговли и промышленности (МВТП), хотя свою роль сыграли и другие институты. Эти государственные структуры выросли из довоенных институтов Японии.

В 1950-е годы многие японские отрасли обрабатывающей промышленности не достигали размеров, необходимых для реализации экономии от масштабов и достижения высокой производительности. Минимально эффективный размер сталелитейного завода составлял 1–2,5 млн тонн. Единственным заводом в Японии, достигавшим этих размеров, был металлургический завод в Явате мощностью в 1,8 млн тонн. Мощность остальных предприятий не достигала 0,5 млн тонн в год, и в итоге уровень производительности японской сталелитейной промышленности был вдвое меньше, чем в США. Перед МВТП стояла цель перестроить отрасль таким образом, чтобы сталь выплавлялась на заводах эффективных размеров. Сделать это МВТП могло благодаря тому, что контролировало банковскую систему и распоряжалось иностранной валютой, необходимой для импорта железной руды и коксующегося угля. К 1960 году вся сталь производилась на заводах эффективного размера, а ее выпуск увеличился с 5 млн до 22 млн тонн. В 1960-е и 1970-е годы МВТП продолжало руководить инвестициями в сталелитейной отрасли. Новые мощности создавались на заводах таких размеров, которые позволяли извлечь всю экономию от масштабов и применить лучшие современные технологии. Япония опережала США по темпам внедрения кислородно-конверторного процесса и непрерывного литья стали.

Подход, ориентированный на крупномасштабные капиталоемкие технологии, был взят на вооружение и в других отраслях. Важным примером служат судостроение и автомобилестроение. Если в Латинской Америке производство автомобилей стало ярким примером неэффективности импортозамещающей индустриализации, то в Японии оно стало средоточием высокой производительности. Фирмы, преобладавшие в этой отрасли промышленности после войны, были основаны еще в межвоенный период. В 1920-е годы свои заводы в Японии построили американские фирмы, но закон 1936 года заставил их прекратить деятельность. Развитие японских фирм поддерживалось с помощью военных заказов на поставку транспортных средств, и в результате отрасли удалось развить проектные мощности и инженерный потенциал, которые легли в основу послевоенных успехов. К 1960-м годам ведущие японские автомобилестроительные предприятия создали сборочные заводы, соответствовавшие мини-

мально эффективному масштабу выпуска (на тот момент он равнялся 200 тыс. единиц техники в год). А к 1970-м годам на заводах появились штамповочные производства и стали использоваться несколько конвейерных линий, что повысило минимально эффективный масштаб до уровня свыше 400 тыс. автомобилей. К тому времени японские заводы обгоняли по капиталоемкости фабрики США, а издержки выпуска их продукции были ниже.

Но, помимо этого, предстояло решить важнейший вопрос о рынках сбыта для выросшей японской промышленности. Немалая доля продукции потреблялась внутри страны. Так, сталь во многом шла на автомобильные и судостроительные заводы. По мере возрастания основного капитала, резко рос спрос на труд. В результате низкооплачиваемая работа, характерная для сельского хозяйства и мелкой обрабатывающей промышленности, уходила в прошлое. Значительную часть продукции обрабатывающей промышленности могли купить японские рабочие. Тем не менее они не потребляли все изделия сверхкрупных японских фабрик – и страна сделала ставку на экспортные рынки. Важнейшим из них были Соединенные Штаты. Получение доступа к американскому рынку выходило за рамки полномочий МВТП. Соединенные Штаты могли бы продолжить ту политику высоких пошлин, которую они проводили с 1816 года, и не пускать японские товары в страну. Однако они предпочли вести свободную торговлю на многосторонней основе. В конечном счете импорт японской стали, автомобилей и потребительских товаров привел к большому снижению производства и занятости на промышленном Среднем Западе Америки. Упадок американского «ржавого пояса» являлся оборотной стороной восточноазиатского «чуда». Американские заводы решили принести в жертву, так как для США Япония являлась форпостом борьбы с коммунизмом в Восточной Азии.

Индустриализация «большого толчка»: Китай

Экономическое развитие Китая в последние полвека служит одним из величайших водоразделов в мировой истории. В эпоху перед индустриальной революцией Китай был крупнейшим центром обрабатывающей промышленности в мире, однако конкуренция со стороны британских фабрик разрушила существенную часть его традиционных обрабатывающих производств. Политическая нестабильность, гражданская война и слабость государства не позволили взять курс на эффективную экономическую политику по образцу Японии Мэйдзи. К середине XX века Китай с уровнем дохода в 448 долларов на душу населения входил в число наиболее бедных «слаборазвитых» государств мира.

Победа коммунистов в 1949 году положила начало тридцатилетнему периоду централизованного планирования по советскому образцу. Душевой ВВП начал расти на 2,8 % в год – довольно большими, но не феноменальными темпами (для того чтобы быстро догнать лидеров, требовалось 4,3 %). После 1978 года рост резко ускорился. В 1978–2008 годы душевой ВВП рос на 6,9 % в год.

Что обеспечило Китаю подобный успех? Обычно ответ звучит так: «свободно-рыночные реформы». После смерти Мао в 1976 году новый лидер Дэн Сяопин стал усиливать роль ценовых сигналов в экономике и дополнять централизованное планирование рыночными механизмами. Первые реформы были осуществлены в сельском хозяйстве. В 1978 году на смену коллективной обработке земли пришла система семейной подрядной ответственности, в которой земля коллективных хозяйств предоставлялась в аренду семьям для частной обработки. Задания по поставкам урожая, спускавшиеся коллективным хозяйствам, распределялись между семьями. В 1979–1981 году государство подняло цену, уплачиваемую за поставки сверх задания, и этот доход шел напрямую в карман отдельных крестьян. Сельскохозяйственное производство, в том числе урожай риса, в 1978–1984 годах стремительно рос (хотя впоследствии его рост сильно замедлился), и обычно это ускорение объясняют усилением финансовых стимулов у крестьян.

Второй комплекс реформ также был осуществлен в сельском хозяйстве. Коллективные хозяйства (как и крестьяне в более раннюю эпоху) традиционно занимались обрабатывающим и ремесленным производством. В 1978 году местные партийные руководители получили задание стимулировать мелкое производство потребительских товаров для продажи на свободном рынке. Численность занятых в этих «поселково-волостных предприятиях» увеличилась с 28 млн человек в 1978 году до 135 млн в 1996 году, когда на их долю стало приходиться 26 % ВВП Китая.

На третьем этапе реформы были сосредоточены на тяжелой промышленности, которая до сих пор являлась витриной достижений централизованного планирования. В середине 1980-х годов государство заморозило плановые задания и позволило фирмам продавать продукцию сверх этой величины на свободном рынке. По мере роста производства эти задания все больше и больше теряли свое значение, и в конце концов планирование материальных балансов превратилось в формальность. В 1992 году XIV съезд Коммунистической партии Китая провозгласил целью реформ создание «социалистической рыночной экономики». Фирмы были выведены из подчинения министерств и преобразованы в государственные корпорации, а на государственные банки была возложена задача по финансированию их капиталовложений. С появлением рынка реальное значение приобрели и бухгалтерские балансы, теперь позволявшие дать денежную оценку работе предприятий. В результате неэффективные организации в Китае были закрыты, чего в Советском Союзе достигнуть так и не удалось.

По мере того как реформы вступали в силу, китайская экономика стремительно росла. Однако можно ли проводить причинно-следственную связь от реформ к росту? Ответить

на этот вопрос не так-то просто. Некоторые сложности видны на примере сельского хозяйства. Чтобы повысить урожайность риса в условиях тропиков, нужны улучшения трех типов. Во-первых, это крупный и постоянный источник воды. На протяжении 1960-х и 1970-х годов Китай усиленно вкладывался в строительство оросительных сооружений и благодаря этому стал возможен бурный рост сельскохозяйственного производства после 1978 года. Во-вторых, необходимо, чтобы растения реагировали на внесение удобрений повышением урожайности. Если бы удобрения активно применялись к традиционным китайским сортам риса, это привело бы лишь к увеличению длины рисовых стеблей и их последующему полеганию без формирования зерна. Такова общая проблема выращивания зерновых в тропиках. Поэтому требовались короткостебельные сорта риса с волокнистым стеблем. Эти сорта не росли в высоту и не полегали при использовании удобрений, а вместо этого производили больше рисовых зерен. «Зеленая революция»[9] в Юго-Восточной Азии опиралась на применение сорта IR-8, разработанного в 1966 году в Международном институте исследований риса на Филиппинах. Китайская академия наук вывела схожий короткостебельный сорт риса в 1964 году, и на его основе после 1978 года урожайность выросла.

Третье необходимое улучшение – это применение азотных удобрений. В 1960-е годы Китаю не удалось построить собственные мощности по их производству, и в 1973–1974 годах он заключил соглашения с иностранными фирмами о строительстве тринадцати заводов по производству аммиака. Они вступили в действие в конце 1970-х годов и обеспечили выпуск азота, необходимого для расширения производства риса. Новые технологии вошли в применение в тот же самый момент, когда начались реформы институтов, поэтому трудно утверждать, что рост урожаев стал следствием реформ. Возможно, он произошел бы в любом случае.

Реформы сыграли свою роль в увеличении промышленного производства – в частности, выпуска потребительских товаров силами «поселково-волостных предприятий», однако маловероятно, что все объясняется только ими. В действительности до сих пор осуществляется планирование большой доли экономики, в том числе тяжелой промышленности, энергетики, транспорта и высоких технологий. Хороший пример дает сталелитейная промышленность, классическая сфера деятельности плановых органов. В 2000 году Китай выплавлял 127 млн тонн стали и уже выступал ее крупнейшим производителем в мире. К 2010 году ее выпуск увеличился еще в пять раз, достигнув 627 млн тонн. Сегодня Китай производит по меньшей мере столько же стали в душевом выражении, сколько вместе потребляют все богатые страны. Экспортируется небольшая доля выпуска – в основном сталь потребляется внутри страны и идет на построение общества современного типа, которого Китай хочет достичь. Основной мотор стремительного расширения промышленности – это государство, а не «рынок». Хотя рынок стали и факторов для его производства в Китае существует, фирмы принадлежат государству, средства на строительство новых заводов предоставляют государственные банки, а график инвестиций задается пятилетним планом.

Китай решил сохранить элементы централизованного планирования там, где они эффективны (инвестиционные программы и образование), – избежав при этом слабых мест планирования, сделавших его контрпродуктивным в СССР. Во-первых, Китай планирует капиталовложения не во всех сферах, а лишь в тех из них, которые раньше было принято называть «командными высотами» экономики. Во-вторых, планирование материальных балансов было упразднено. В-третьих, на вновь возникающих рынках фирмы руководствуются желанием извлечь прибыль. В-четвертых, в таких внешних условиях у компаний появляется стимул снижать затраты и избавляться от неэффективных мощностей и непроизводительного труда.

[9] Комплекс изменений в сельском хозяйстве развивающихся стран (1950–1970-е годы), в результате которых мировая сельскохозяйственная продукция значительно выросла. При «зеленой революции» выводили более продуктивные сорта растений, изобретали новые техники ирригации, новые удобрения, пестициды. – *Прим. ред.*

Советский Союз не смог решить эту задачу, и в результате слишком много его ресурсов оказалось заперто в неэффективных предприятиях. Разумеется, нет никаких гарантий, что китайский подход всегда будет работать хорошо. Он требует известной прозорливости в планировании капиталовложений. Ее нетрудно проявить, если речь идет о бедной стране, пытающейся повторить уже сделанное богатыми странами. При такой постановке вопроса легко подсчитать, что Китаю нужна сталелитейная промышленность, которая производила бы столько же стали в расчете на душу населения, сколько потребляют богатые страны. (Иначе дело может обстоять, если речь идет о малой стране, которой нужно импортировать ресурсы, а не о Китае, размеры которого делать это не позволяют.) В будущем интересно понаблюдать, как Китай станет реформировать свои институты по мере того, как он будет приближаться по уровню дохода к богатым странам, а в области технологий задача сменится с копирования на изобретение нового.

Заключение

В последнее время идут многочисленные дискуссии о причинах слаборазвитости стран, однако большинство авторов выделяет один из так называемых фундаментальных факторов – географический, институциональный или культурный. В данной главе я указал на еще более фундаментальные социальные процессы, результатом которых эти факторы являются. Так, в Африке коррумпированные институты, нацеленные на извлечение ренты, возникли из практики колониализма и адаптировались к низкой плотности населения, обусловленной высокой смертностью в тропиках. Схожим образом культурные нормы населения, проявляющиеся в коэффициентах рождаемости, сильно зависели от того, как женщины включались в систему образования и какие возможности для работы вне дома у них возникали. Даже география не столь уж и важна: значимость места обитания или эпидемиологических характеристик среды зависит от средств транспорта и развития медицинских технологий. Напротив, из приведенных аргументов следует, что самое важное в долгосрочных тенденциях экономической истории – это то, как протекала эволюция глобальной экономики. Я имею в виду общее влияние, которое на изобретение технологий оказывали человеческие потребности и цены на факторы производства. Также нельзя забывать о воздействии государства на эти факторы: власти меняют их и помогают населению успешно отвечать на создаваемые стимулы. Такой подход показывает будущее человечества более оптимистичным – ведь политику изменить легче, чем любой из «фундаментальных факторов».

Литература

Аллен, Р. (2013). *Глобальная экономическая история: очень краткое введение* . М.: Издательство Института Гайдара.

–. (2014). *Британская промышленная революция в глобальной картине мира* . М.: Издательство Института Гайдара.

Allen, R. C. (2009). *The British Industrial Revolution in Global Perspective*. Cambridge University Press.

–. (2011). *Global Economic History: A Very Short Introduction*. Oxford University Press.

Hamilton, A. (1791). Report of the Secretary of the Treasury of the United States on the subject of manufactures, presented to the House of Representatives, December 5, 1791, United States, Department of the Treasury.

Williamson, J. G. (2011). *Trade and Poverty: When the Third World Fell Behind*. Cambridge, MA: The MIT Press.

3
Рост, специализация и организация мирового сельского хозяйства
Джованни Федерико

Введение

НА ПРОТЯЖЕНИИ тысяч лет сельское хозяйство было главным источником средств существования для подавляющего большинства населения мира – начиная с первого сбора урожая зерновых около 8 тыс. лет назад и вплоть до начала индустриализации во всемирном масштабе в XIX веке. На заре аграрной цивилизации земледельческое хозяйство представляло собой самодостаточную производственную и потребительскую ячейку – однако все поменялось с развитием городов. Конечно, города и не смогли бы развиться, если бы сельское хозяйство не обрело товарную форму. Выживание городов зависело от того, будет ли туда поступать все больше и больше продовольствия и других продуктов сельского хозяйства, и от того, захотят ли деревенские жители принимать взамен изделия ремесленников. Развитие обмена между городом и деревней стало возможным благодаря развитию рынков сельскохозяйственной продукции и кредита, а для них, в свою очередь, требовались развитые институты, которые бы обеспечивали капиталом фермеров. Еще одним условием было обеспечение защиты прав собственности – достаточно надежной, чтобы побудить к инвестициям в земледелие. Однако часто город не доверял невидимой руке рынка свое снабжение и поэтому заменял ее рыночным регулированием, за которым стоял политический контроль над деревней. Короче говоря, «капиталистические» институты и вмешательство в работу рынка существовали задолго до промышленной революции. Однако шестикратный рост мирового населения в XIX–XX веках, наряду с ростом душевого дохода и урбанизацией, бросили сельскому хозяйству серьезный вызов.

И мировое сельское хозяйство с этим вызовом блестяще справилось. Ниже подробно рассказывается о том мощном подъеме производительности и торговли, росте продукции на душу населения и устранении географических различий в ценах на сельскохозяйственные товары – эти процессы продолжались по крайней мере до Великой депрессии. Они имели далеко идущие последствия с точки зрения специализации производства и размещения экономических ресурсов по отраслям. В следующем параграфе главы разобрано, какие непосредственные причины вызвали увеличение производства, расширение пашни, рост рабочей силы и капитала в сельском хозяйстве, а также повышение эффективности их использования. Обсудив эти темы, в оставшейся части главы мы перейдем к главному вопросу: насколько важную роль в росте сельского хозяйства сыграло распространение капитализма. Сначала мы бегло проследим, как права собственности современного (то есть капиталистического) типа распространились из Западной Европы на остальной мир. Затем мы покажем, что, в отличие от других отраслей, в сельском хозяйстве это не привело к повсеместному распространению крупных, капиталистических предприятий и что они не были более эффективными, чем мелкие семейные хозяйства. Тема следующего параграфа – методы финансирования сельскохозяйственной деятельности. Особое внимание мы уделим медленному увеличению роли «формализованных» финансовых институтов. Два последних параграфа посвящены вмешательству государства. В них проводится различие между «мягким» регулированием, таким как финансирование НИОКР в сфере сельского хозяйства, и более «жестким» подходом, когда государ-

ство напрямую воздействует на доходы и перемещение ресурсов внутри сельского хозяйства, а также между ним и другими секторами экономики.

Основные факты: Рост сельскохозяйственного производства в XIX–XX веках

Данных об уровне сельскохозяйственного производства в первой половине XIX века очень мало и часто они имеют гипотетический характер, хотя при этом хорошо друг с другом согласуются. Все исследования, посвященные отдельным странам или регионам, указывают на то, что везде, кроме Португалии, производительность росла по меньшей мере такими же темпами, как население, а чаще всего быстрее. Доступные данные относятся к странам Европы и «белым» территориям Северной Америки. Вполне допустимо, что увеличение душевого производства в этих странах компенсировалось снижением в остальном мире. Эта гипотеза, однако, не выглядит очень правдоподобной. На деле население практически полностью было занято в сельском хозяйстве и, как мы покажем подробнее в следующем параграфе, везде, кроме Западной Европы, имелась свободная земля для заселения земледельцами. Начиная с 1870 года можно оценить показатель ежегодного выпуска сельскохозяйственной продукции для 25 стран, на долю которых приходилось от 50 до 55 % мирового населения[10]. Этот индекс можно состыковать с официальными данными о мировом производстве продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), которые фиксируются с 1938 года и охватывают все страны, кроме Советского Союза до 1948 года. На рис. 3.1 этот «склеенный» индекс сопоставлен с численностью населения соответствующей группы стран (то есть группы из 25 стран до 1938 года и всего мира после 1950 года). Есть сомнения, насколько точны отдельные составляющие данных, особенно по развивающимся странам и странам социалистического блока до 1990-х годов. Тем не менее можно допустить, что ошибки друг друга нивелируют, да и, в любом случае, трудно поверить, что может возникнуть систематическая ошибка настолько большая, чтобы поставить под сомнение выдающиеся достижения сельского хозяйства. За один только двадцатипятилетний период с 1870 по 1913 год совокупный сельскохозяйственный выпуск увеличился почти вдвое, а после спада военного времени, в период с 1918–1919 по 1938 год он возрос еще на 20 %. Душевой выпуск возрос на четверть в довоенный период, а затем до 1938 года почти не менялся. Если при этом сделать очень консервативное допущение о том, что в странах, которых нет в выборке, душевой выпуск оставался прежним, то получим, что мировая производительность на душу населения в 1870–1938 годах возросла примерно на 10 %. Ускорению в темпах роста мирового населения после Второй мировой войны соответствовало еще более резкое ускорение в темпах роста сельскохозяйственного производства – с 1 % в год до более чем 2 %. В период с 1938 по 2010 год душевое производство увеличилось на 60 %. Сегодня оно намного превышает потребность человечества в калориях. Недоедание, от которого, согласно последним данным ФАО, по-прежнему страдает около 1 млрд человек, является следствием расточительства и неэффективности в распределении, а не абсолютной нехватки продуктов.

[10] В выборку входят все европейские страны, кроме Норвегии и балканских стран, а также Канада, Соединенные Штаты, Аргентина, Чили, Уругвай, Индия, Индонезия и Япония (Federico 2004).

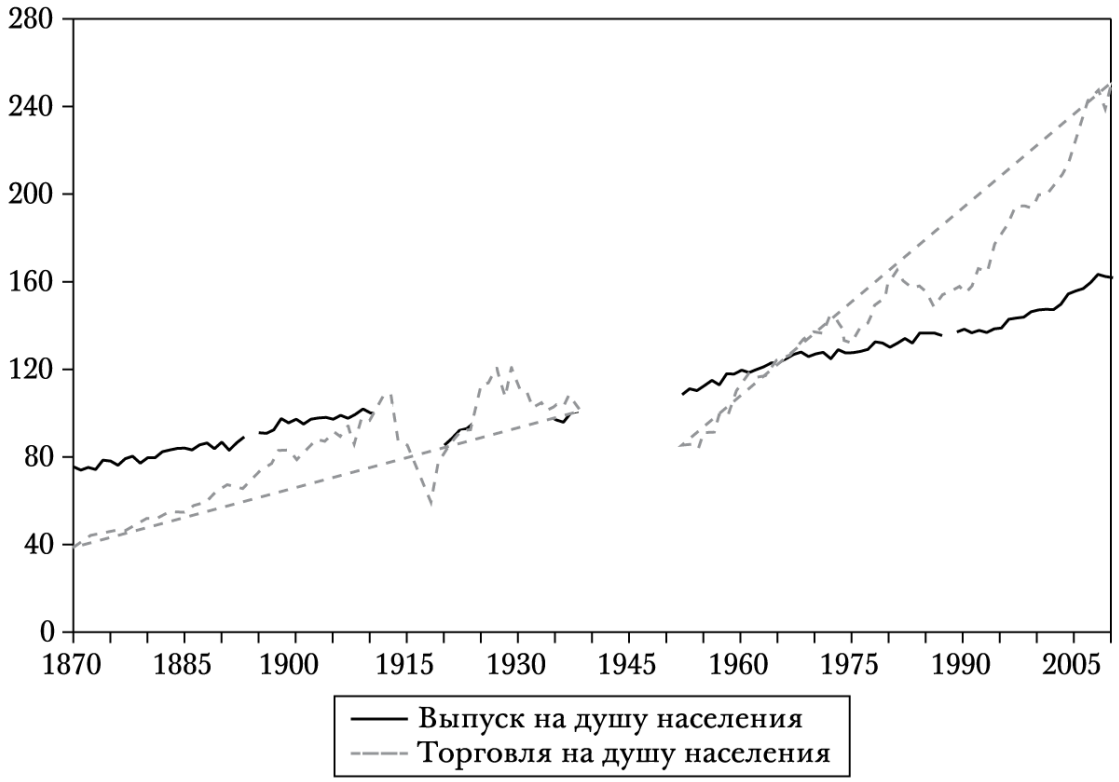

РИС. 3.1 РАЗВИТИЕ МИРОВОГО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА, 1870–2010 (1938 = 100)

За весь период с 1870 по 2000 год душевой объем торговли сельскохозяйственными товарами вырос более чем в пять раз – слабее, чем вся мировая торговля, но намного сильнее, чем выпуск сельхозпродукции[11]. В период до 1913 года торговля росла быстрее, чем производство, в межвоенное время она росла примерно теми же темпами. Затем, во время войны, она обрушилась, а в 1950-е годы ее рост возобновился, оставаясь очень быстрым весь остаток XX века. Обгоняющий рост торговли по сравнению с выпуском однозначно говорит о росте специализации в сельскохозяйственном производстве.

[11] Ряды получены путем объединения данных за период до 1938 года из Aparicio, Pinilla, and Serrano (2009) и данных ВТО (www.wto.org, дата обращения – 13 марта 2013 года). Я исходил из гипотезы, согласно которой торговля сельскохозяйственными товарами в 1953 году была на 13 % выше, чем в 1937 году. В 1953 году объем торговли составлял 96 % от уровня 1937 года, однако эти цифры не включают коммунистические страны (Yates 1959). В том же году торговля с коммунистическими странами составляла 18 % от торговли между странами с рыночной экономикой (United Nations 1952, 1960). Данные о численности населения взяты у Мэдисона (www.ggdc.net/maddison/maddison-project/home.htm, дата обращения – 22 июля 2013 года).

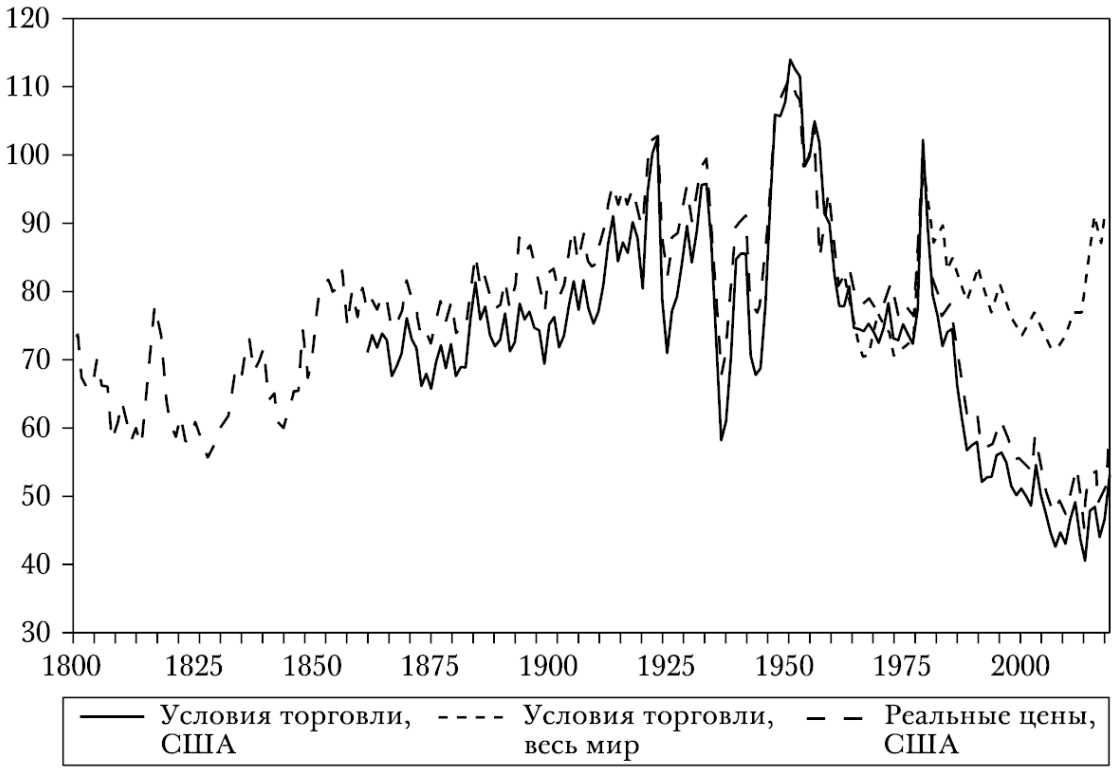

РИС. 3.2 ЦЕНЫ НА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ТОВАРЫ (1950=100)

Разделение труда между странами и внутри каждой отдельной страны в конечном счете зависит от движения относительных цен на сельскохозяйственные товары, определяющих размещение факторов производства по отраслям. К сожалению, движение мировых цен нельзя уловить одним-единственным показателем, как это можно сделать в случае с совокупным выпуском или объемом торговли. На самом деле, для разных стран могут быть характерны различные тенденции. Да и внутри отдельных государств по-разному могут быть направлены индекс реальных цен на сельскохозяйственную продукцию (то есть отношение этого показателя к общему уровню цен) и индекс внутренних условий торговли (отношение того же индикатора к индексу промышленных цен). На рис. 3.2. представлены оба этих показателя для США[12].

Оба индикатора относительных цен рисуют схожую картину. В период перед Первой мировой войной цены более или менее постоянно увеличивались, затем, во время войны в Корее, они достигли исторического максимума, после чего начали движение вниз, прерванное лишь коротким всплеском в 1970-х годах. Очевидно, что тенденции в США могут быть нетипичными, однако предварительные выводы на их основе подтверждаются ввиду дополнительных данных по другим странам. В первые десятилетия XIX века индекс реальных цен и условий торговли повышался в большинстве развитых европейских стран, за одним важным исключением (Великобритания). Кроме того, у многих стран периферии повысился индекс условий внешней торговли, то есть отношение между ценами на их экспорт – в основном сельскохозяйственный – и ценами на их импорт, в основном промышленный (Williamson 2011). Он увеличился очень сильно у стран европейской периферии (Италии, Испании, России), Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии (Индонезии), чуть слабее – у Латинской Америки и Южной Азии (Индии и Цейлона), у Китая он не изменился, а Япония оставалась закрытой

[12] Данные по США взяты из Carter et al. (2006) и продлены до 2010 года с помощью данных Федерального резервного банка Сент-Луиса (https://research.stlouisfed.org, дата обращения – 13 марта 2012 года). Удельная стоимость экспорта сельскохозяйственных товаров и промышленных товаров заимствована из базы ВТО (www.wto.org, дата обращения – 13 марта 2012 года).

для мировой торговли до 1859 года. После 1870 года тенденции стали более разнонаправленными. Внутренние условия торговли продолжили улучшаться в большинстве стран, однако реальные цены на сельскохозяйственные товары застыли на неизменном уровне или даже снижались.

Как правило, в странах-экспортерах, в том числе в США, сельскохозяйственные цены росли сильнее, чем в Европе, причем в двадцатилетний период перед Первой мировой войной рост был значительнее, чем в 1870-е и 1880-е годы. После войны в большинстве стран (за рядом исключений) цены снижались. Однако долгосрочную тенденцию трудно разглядеть за краткосрочными колебаниями, такими как резкий обвал цен во время Великой депрессии. На рис. 3.2 в качестве очень грубой оценки «мировых» цен показано отношение между удельной стоимостью сельскохозяйственного экспорта и удельной стоимостью промышленного экспорта. Эти данные подтверждают общую тенденцию к снижению, обнаруживающуюся в американских данных по ценам, хотя она гораздо менее резкая и, что самое важное, с 2000 года в ней, по-видимому, намечается разворот. На самом деле, о тенденциях в мировых сырьевых ценах уже долгое время идут дискуссии, начатые в 1950-е годы Пребишем и Зингером (Spraos 1983). Эти авторы утверждали, что относительные цены на сырье имеют долгосрочную тенденцию к снижению и поэтому специализация на экспорте сырьевых товаров, по их мнению, представляет собой тупиковый путь развития. Из этой гипотезы родилось огромное число научных исследований, и в каждом применялись все более изощренные статистические методы. К сожалению, ученые так и не пришли к единому мнению. Результаты исследований зависят и от того, какие данные о ценах используются (цены отдельных товаров либо индексы), и от того, какие товары и страны включатся в выборку (сельскохозяйственные товары или все сырьевые товары, одна страна или все наименее развитые страны), и от временного охвата (весь XX век или только период после Первой мировой войны), и от применяемой процедуры статистической оценки.

Хотя подробное рассмотрение динамики цен не входит в задачи настоящей главы, можно сделать несколько общих утверждений. Пребиш и Зингер предсказывали, что цены на сырьевые товары будут снижаться, потому что спрос на них имеет тенденцию к более слабому росту, чем спрос на товары обрабатывающей промышленности. Очень схожий аргумент в рамках так называемой проблемы фермера предъявляли, чтобы оправдать поддержку сельхозпроизводителей в развитых странах (см. раздел «„Мягкое“ государство» ниже). Однако этот аргумент не слишком убедителен. Если рынки факторов производства достаточно гибки и их коррекции не мешает государство, низкие цены заставят капитал и труд покинуть сельское хозяйство, выпуск снизится и в итоге цены на продукцию фермеров вырастут. В долгосрочном периоде движение относительных цен зависит от относительных уровней производительности в разных секторах. При прочих равных, относительные цены на сельскохозяйственные товары будут расти, если производительность в сельском хозяйстве будет повышаться медленнее, чем в остальной экономике (если речь идет о реальных ценах) или в промышленности (если речь идет об условиях торговли). В полностью изолированной экономике относительные цены будут определяться относительными показателями производительности внутри страны, в полностью открытой экономике без каких-либо помех внешней торговле – относительной производительностью на «мировом» уровне. И тот и другой случай далеки от реальности: для каждого продукта и каждой страны существуют свои внешнеторговые преграды, которые к тому же меняются во времени под действием торговой политики и технологического прогресса в сфере транспорта. К примеру, падение издержек на перевозки между двумя странами устраняет различие в ценах на их рынках. Это происходит путем повышения цен в стране-экспортере и их понижения в стране-импортере. Вместе с тем устранение разницы в ценах на сельскохозяйственную продукцию повлияет на цены всех товаров, участвующих во внешней торговле (а не только этой продукции). Следовательно, заранее предсказать, каково будет

воздействие на условия торговли или на реальные цены сельскохозяйственных товаров невозможно. С уверенностью можно только утверждать, что имеющиеся данные не противоречат умеренному снижению относительной производительности в сельском хозяйстве перед Первой мировой войной и ее грандиозному росту после 1950 года. А это большой прогресс.

Формула успеха: Экстенсивный рост

В табл. 3.1 и 3.2 представлена основная информация об объеме рабочей силы (измеряемой через численность работников) и земельных ресурсов (оценивается общая площадь пашни и многолетних насаждений) после 1880 года. Начиная с 1938 года данные берутся из официальной статистики ФАО, которая покрывает все страны мира, хотя степень надежности цифр разнится в зависимости от государства. Данные за начало исторического периода, наоборот, складываются из источников по отдельным странам. Число стран в выборке по региону с течением времени растет, а следовательно, простое суммирование завышает прирост осваиваемых земель. Поэтому, чтобы оценить площадь земель и численность рабочей силы по регионам, данные за 1938 год экстраполируются на более ранний период, исходя из темпов роста по выборке государств, неизменной для всего описываемого времени. Результаты представлены в виде индекса, у которого уровень 2000 года принят за 100. Предполагаемую абсолютную величину для всего мира можно получить, если умножить соответствующий индекс на абсолютную величину за 2000 год (крайний правый столбец).

Табл. 3.1 вносит важную поправку в традиционное представление о воздействии экономического роста современного типа на занятость в том или ином секторе. Если доля занятых в сельском хозяйстве и начала снижаться с наступлением индустриализации, то в абсолютной численности перелом наступил уже после того, как индустриализация продвинулась довольно далеко. В Великобритании численность сельскохозяйственной рабочей силы достигла пика примерно в 1850 году, спустя почти семьдесят лет после начала промышленной революции. В других развитых странах она продолжала расти вплоть до межвоенного периода и резко сокращаться начала лишь после Второй мировой войны. С тем большим основанием сельскохозяйственная рабочая сила должна была увеличиваться в тех странах, которые еще не приступили к промышленному развитию – на долю которых, кстати говоря, и приходятся почти все пустующие в табл. 3.1 ячейки. На самом деле, если судить по данным ФАО, численность занятых в сельском хозяйстве продолжала расти, хотя все медленнее и медленнее на протяжении всего рассматриваемого периода, вплоть до 2014 года[13]. Можно задаться вопросом: действительно ли численность занятых – это точный способ измерить трудозатраты? И впрямь, можно привести несколько источников систематической ошибки: это и изменение полового состава рабочей силы, и рост человеческого капитала работников, и распространение частичной занятости на селе, и многое другое. Тем не менее по всей видимости, эти ошибки друг друга уравновешивают, и в целом численность представляется достаточно надежным мерилом совокупных затрат труда.

ТАБЛИЦА 3.1 РАБОЧАЯ СИЛА

[13] Данные взяты с сайта www.fao.org/corp/statistics/en, дата обращения: 1 марта 2010 года.

Континент	ок. 1800	ок. 1910	ок. 1938	1960	2000	2000 (млн)
Африка			31	51	100	197,1
Европа	392	392	359	309	100	17,6
Канада и США	304	405	340	173	100	3,4
Латинская Америка*	24	44	68	83	100	44,2
Азия	34	41	42	59	100	1031,8
Океания	36	57	68	64	100	2,8
Бывший СССР			203	178	100	21,7
Мир				64	100	1318,6

* В том числе Мексика и Центральная Америка.
ИСТОЧНИК: Federico 2005: Tables 4.16 and 4.17.

Из табл. 3.2 видно, что площадь возделываемых земель росла практически везде, кроме Западной Европы и некоторых регионов Азии. В 1880 году на всех континентах имелось много необработанной земли, которая впоследствии была заселена. Об истории освоения американского Дикого Запада хорошо известно благодаря многочисленным голливудским фильмам. Однако те же процессы повторились, пусть и с некоторым опозданием, и в других регионах, куда отправлялись европейские мигранты, – в Канаде, Южной Америке и Океании. Также площадь пашни увеличивалась в Азии и Африке – без особого участия переселенцев из Европы. Даже в такой, казалось бы, перенаселенной стране, как Китай, имелось предостаточно земли для колонизации: в период с 1860 по 1940 год около 8 млн китайцев переселились в Маньчжурию. В мире площадь возделываемых земель продолжала расти и в 2005 году достигла наибольшего размера, несмотря на небольшое снижение в некоторых развитых странах в последние десятилетия XX века.

ТАБЛИЦА 3.2 ПЛОЩАДЬ ОБРАБАТЫВАЕМЫХ ЗЕМЕЛЬ

Континент	ок. 1800	ок. 1910	ок. 1938	1960	2000	2000 (млн га)
Африка			86	77	100	201,8
Европа	110	112	112	114	100	133,2
Канада и США	41	77	91	100	100	231,1
Латинская Америка*		44	73	63	100	153,1
Азия	29	58	64	85	100	511,7
Океания	7	22	34	66	100	53
Бывший СССР	48	52	55	110	100	217,5
Мир			81	90	100	1501,5

*В том числе Мексика и Центральная Америка.
ИСТОЧНИК: Federico 2005: Tables 4.1, 4.3, and 4.5.

Хотя таблица не охватывает периода до 1880 года, можно практически не сомневаться, что площадь возделываемых земель росла вслед за населением во всех регионах (кроме, может быть, Западной Европы). Если в 1880 году земли было в изобилии, то уж тем более ее хватало веком ранее. Можно возразить, что площадь пашни и многолетних насаждений не позволяет точно измерить совокупные затраты земельных ресурсов. В частности, этот показатель завышает площадь вовлеченных в оборот земель, если часть их ранее использовалась как пашня (следовательно, так или иначе была задействована в производстве), или же если целина уступала освоенным почвам по качеству. Свидетельства, подтверждающие, что новые земли были, как правило, хуже, отсутствуют, данные же о расширении пастбищ в период до 1950 года скупы и едва ли позволяют проводить сопоставления между странами и периодами. Как бы там ни было, к данным ФАО такие возражения неприменимы: они показывают, что наряду с пашней росла и площадь постоянных пастбищ и лугов. Таким образом, земельные ресурсы не выступали ограничением для роста сельскохозяйственного производства, разве что в небольшом числе районов Западной Европы и Китая.

Выразить прирост капитала, занятого в сельском хозяйстве, одним-единственным показателем, пусть даже и грубым, невозможно. На деле он состоит из большого числа крайне разнородных объектов – скота, строений, машин, ирригационных сооружений, насаждений и т. п., – каждый из которых необходимо оценить в деньгах и просуммировать, чтобы получить осмысленную общую цифру. По оценкам ФАО, мировой основной капитал в период с 1975 по 2000 год увеличился на 25 %, то есть в меньшей степени, чем производство. Если говорить о периоде до 1975 года, то есть несколько рядов данных, охватывающих только развитые страны и чаще всего лишь некоторые составляющие капитала. Большинство из них показывают рост и, что не удивительно, более быстрый в таких странах, как Соединенные Штаты, Канада и Россия, по сравнению со странами, плотно заселенными уже в XVI–XVIII веках, вроде Франции, Германии или Великобритании. Эту скудную информацию можно дополнить анализом сведений, доступных по отдельным физическим объектам (например, численности тракторной техники, расширению орошаемых земель). По итогам такого анализа выявляются четыре типичных сценария:

а) В странах, принадлежавших к числу западных колоний, основной капитал первоначально был маленьким, но в ходе заселения в XIX–XX веках он быстро рос. Затем, после периода относительного застоя, в 1930-е годы на волне стремительной механизации начался подъем инвестиций.

б) Развитые и давно заселенные страны Западной Европы традиционно имели очень крупный запас основного капитала, в виде строений и вложений в мелиорацию. Поэтому до начала Второй мировой войны капитал там увеличивался значительно медленнее, чем в западных колониях, затем начался его бурный рост.

в) В «отсталых» давно заселенных странах, в первую очередь в Китае, в начале XIX века запас основного капитала был довольно большим, может быть, даже бóльшим, чем в Европе, так как рисоводство требовало больших вложений в орошение. Вплоть до недавнего времени он увеличивался либо медленно, либо не увеличивался вообще, а затем быстро пошел вверх на фоне активного использования не только удобрений, но и техники.

г) В «отсталых» слабозаселенных регионах (например, в Африке) первоначально основной капитал практически отсутствовал – им располагали лишь немногочисленные хозяйства, занятые производством товарных культур на экспорт. И до Второй мировой войны основной

капитал рос в этих регионах тем же темпом, что и население. Начиная с 1950 года душевой запас капитала стал увеличиваться, но намного медленнее, чем в Азии.

Подведем итоги: на протяжении описываемого периода увеличивались все факторы сельскохозяйственного производства. Однако после 1950 года, по-видимому, их рост замедлился – по крайней мере это верно для рабочей силы и площади земель. Крайне маловероятно, что основной капитал ускорил свой рост в достаточной степени, чтобы уравновесить это замедление. Следовательно, увеличением затрат нельзя объяснить резкое ускорение сельскохозяйственного производства после 1950 года.

Формула успеха: Интенсивный рост

После 1950 года существенная часть прироста сельскохозяйственного производства объясняется более эффективным использованием ресурсов, или, иначе говоря, – увеличением совокупной производительности факторов производства. Такой вывод можно сделать из предыдущего параграфа. В табл. 3.3 приведены имеющиеся в литературе оценки этого показателя за период до 1938 года, усредненные по соответствующему континенту.

Внимание привлекают два стилизованных факта. Первый, и самый важный, – совокупная производительность росла почти во всех странах и почти во все периоды. Темпы роста могут показаться низкими, но это в любом случае гигантский прорыв по сравнению со стагнацией, которая, как считается, была характерна для сельского хозяйства традиционного типа. Кроме того, даже маленькие темпы роста складываются в значительные показатели, если выдерживаются достаточно долго. Например, рост на 0,5 % в год в течение сорока лет увеличивает совокупную производительность на четверть. Во-вторых, рост производительности со временем ускорялся – по крайней мере в Западной Европе и Соединенных Штатах (в других регионах динамика была более разнородной). В Египте, на Филиппинах и в Советском Союзе производительность даже снизилась. Что касается периода после Первой мировой войны, то данных о нем в избытке – для каждой страны существуют буквально сотни различных оценок. Используя данные ФАО о выпуске и затратах за период с 1960 по 2000 год и принимая поголовье скота и численность сельскохозяйственной техники в качестве показателя всего капитала, можно вычислить темпы роста совокупной производительности по миру в целом. Результаты будут немного различаться в зависимости от способа вычисления, варьируясь от 1 до 1,25 % в год, что соответствует 50 и 66 % совокупного увеличения за сорок лет. Если вычислить простое среднее оценок по отдельным странам за период после Первой мировой войны, то величина получится гораздо меньше – «всего» 0,7 %. Это результат очень низких показателей большинства стран Африки и социалистического блока, на долю которых приходится лишь незначительная доля мирового выпуска. С другой стороны, чрезвычайно быстрый рост совокупной производительности происходил в развитых странах и в Китае. В странах ОЭСР средние темпы роста после войны составили примерно 2 %, превысив довоенные темпы вдвое, что подтверждало тенденцию к ускорению производительности, наметившуюся еще в межвоенный период. В Китае при социалистической системе наблюдался застой или даже снижение производительности. Затем, в первой половине 1980-х годов темпы ее роста подскочили до 5–6 % в год, хотя вскоре, к концу 1980-х и в 1990-е годы, они снова замедлились. Наконец, вопреки широко распространенным страхам, данных, которые бы подтверждали замедление роста совокупной производительности в конце 1990-х – начале 2000-х годов, не существует (Fuglie 2008).

ТАБЛИЦА 3.3 ИЗМЕНЕНИЯ В СОВОКУПНОЙ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ФАКТОРОВ ПЕРЕД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНОЙ

	до 1870		1870–1910		1910–1940	
	Число стран	Средний темп	Число стран	Средний темп	Число стран	Средний темп
Европа	5	0,30	13	0,65	11	1,00
Европа (Van Zanden)			15	0,78		
Западные колонии*	1	0,40	2	0,74	2	0,56
Азия			3	1,24	6	0,08
Африка	1	3,41	1	0,83	1	-0,21
Южная Америка			1	-1,90	2	1,57

* Соединенные Штаты и Канада.

ИСТОЧНИКИ: Van Zanden 1991; Federico 2005 Statistical Appendix Table IV и Lains and Pinilla 2009.

Чаще всего полагают, что уровень совокупной производительности зависит только от технологий – но это не обязательно так. Он может повышаться (или снижаться) даже в отсутствии каких-либо технологических изменений, если размещение экономических ресурсов при этом становится более (или менее) эффективным. Благодаря изощренным статистическим процедурам получается разделить влияние двух факторов на рост производительности. С одной стороны, можно установить влияние собственно технического прогресса (точнее, найти темп, с которым расширяется передний край технологий, определяющий максимально возможную совокупную производительность при данных затратах факторов). А с другой – выделить влияние изменений в эффективности использования ресурсов, или формально определить, насколько сильно меняется расстояние между передним краем производительности и ее фактическим уровнем. Если темпы роста совокупной производительности отрицательные, это значит, что страна отдаляется от своего потенциального уровня, поскольку не расходует ресурсы эффективно. Причиной этому могут быть ненадлежащие институты или неправильная экономическая политика. Тогда статистические процедуры время от времени выдают очень большие отрицательные величины, снижающие общую среднюю.

Обсуждению институтов и политики посвящены следующие параграфы главы. Здесь мы остановимся на техническом прогрессе, то есть разработке и внедрении инноваций. Мы не станем вдаваться в подробности: даже самое беглое перечисление наиболее важных инноваций в сельском хозяйстве потребовало бы нескольких страниц. Достаточно будет сказать, что все эти нововведения можно разделить на четыре основные категории: методы культивации; новые сорта растений и породы животных; применение химических продуктов (в первую очередь удобрений) и использование машин. Первые три категории главным образом нацелены на повышение производительности почвы, то есть на ее более интенсивное использование. Новые методы культивации позволяли сократить время нахождения земли под паром – традиционный способ восстановить плодородие. В традиционных сельскохозяйственных системах пребывание под паром занимало от двадцати до тридцати лет в наиболее примитивном подсечно-огневом земледелии до одного года – двух лет в Западной Европе. Непрерывное возделывание без держания под паром было возможно только при регулярном орошении, то есть в немногочисленных районах Европы и рисоводческих регионах Китая. Начиная с XVIII века в Европе земледельцы вместо пара стали засаживать поля обогащающими почву растениями (бобовыми и различными сортами трав), которые можно было использовать в пищу людям и скоту. Однако сажать эти растения нужно было в определен-

ной последовательности (применять ротацию), что ограничивало земледельцев в выборе сортов зерновых и лишало их возможности реагировать на изменения в спросе. Дальнейшего роста производительности можно было добиться применяя усовершенствованные сорта растений или искусственные удобрения, которые стали появляться с середины XIX века. Начиная с 1880-х годов их потребление в развитых странах постепенно повышалось и достигло максимума около 1980 года (затем рост прекратился). В наименее развитых странах оно начало бурно расти в 1950-х годах. При условии сверхинтенсивного применения искусственных удобрений в некоторых регионах Южной и Восточной Азии можно собирать до трех урожаев риса в год. Помимо этого, в XX веке появилось огромное количество новых культурных сортов растений, или культиваров. В традиционном сельском хозяйстве новые сорта растений могли возникнуть только в ходе случайного открытия (либо их импортировали из другого региона). Ввоз из-за границы был главным источником новых сортов в эпоху Великих географических открытий, однако к концу XIX века сортов, пригодных для переселения на новые территории, практически не осталось. Новые сорта можно было получать скрещивая уже известные, однако первые попытки такого рода к успеху не привели. Эффективные приемы выведения были разработаны лишь в начале XX века, после того как были (пере)открыты законы генетики. Первым крупным достижением в этой области стала гибридная кукуруза, которая в 1930-е годы быстро распространилась в «кукурузном поясе» США[14]

[14] Corn Belt, область на Среднем Западе Соединенных Штатов, где традиционно главной сельскохозяйственной культурой была кукуруза. – *Прим. пер.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.